

РИЧАРД
ЛАМБЕРТ

Город
теней

W BOOKS!

Ричард Ламберт

Город теней

Серия «Лучшее фэнтези для детей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67617615

Город теней / Р. Ламберт, илл. А. Кривогиной; пер. с англ. Д.

Кудрявцева: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-147797-4

Аннотация

Тоби мечтает починить свою семью, но вместо этого ему приходится чинить королевство, которое никак не может допридумать его отец. Путешествие по фантастическому миру в компании очень странной девочки становится для героя дорогой не только к дому, но и к пониманию того, что для него действительно важно.

Следуй за белым котиком – и тебя ждёт приключение, перед которым померкнет всё, что случилось с тобой прежде.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Тень	8
1. Дурные сны	17
2. На пляже маргита	37
3. Энджел-лейн	50
4. Сезон пожаров	67
5. Виджен	76
6. Пастуший домик	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Город теней

Ричард Ламберт
Город теней

Папе

*Заклучите меня в скорлупу ореха, и я буду
чувствовать себя повелителем бесконечности. Если
бы только немой дурные сны!*
«Гамлет», Уильям Шекспир
(перевод Б.Пастернака)

Серия «Лучшее фэнтези для детей»

Литературно-художественное издание эдеби-керкемднс
баспа

Рисунок на обложке Анастасии Кривогиной

© Кудрявцев Д., перевод, 2022

© Кривоги́на А., иллюстра́ции, 2022

© Издательство АСТ, 2022

Text copyright © Richard Lambert 2021 Печатается с разрешения Everything with Words Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg

Тень

Ветер принёс со стороны моря монотонный дождь, который уныло молотил по черепичным крышам и оконным стёклам. Вода сбегала по водостокам. Где-то в дебрях спящего города выла собака, просясь в дом. Тень остановилась и прислушалась. В отличие от собаки, она не желала, чтобы её впустили, не желала найти сухое место, не желала спать. Но город спал или притворялся спящим – и правильно делал. Потому что тень была полна ненависти.

Тень напоминала по форме человеческое существо. Она остановилась, услышав новый шум – рокот. Наверху, в од-

ном из домов, кто-то храпел. Тень легко поднялась в воздух. Она плыла вдоль домов, заглядывая во все окна, которые не были закрыты ставнями или занавесками. Тёмная комната за тёмной комнатой, и наконец – вот он. Храпун.

На огромной постели с белыми простынями лежал на спине крупный мужчина. Его грудь раздувалась с каждым вдохом, а от его храпа тряслись в рамах стёкла. Выдох, грудь опала. Мгновение тишины. Затем его грудь снова раздулась, его храп снова сотряс стёкла. Около петли оконной рамы была щель, через которую в дом проникал сквозняк, и через неё же проникла тень. Веки мужчины дрогнули. На каминной полке безжизненно блеснула латунь. Тень приблизилась, склонилась, а когда мужчина снова втянул воздух, истончилась до толщины нити и влетела в ноздрю. Человек резко выдохнул носом, как если бы туда попала мошка, и перевернулся на бок.

Ему снилось детство. Когда он был маленьким, по пятницам, после школы, возвращаясь домой, он слышал, как пахло претцелями – только что испечёнными, посыпанными сахаром. От этого запаха у него текли слюнки. Мать клала тёплые претцели на стол. Он радостно болтал ногами, поднимал претцель, вдыхал восхитительный запах, кусал. Это были вкуснейшие претцели, которые ему доводилось пробовать. Но потом в этом сне в один миг сладкая выпечка стала горькой, свежий хлеб покрылся плесенью, а его мать заплакала. Человек почувствовал присутствие чего-то злого, что

ненавидело и его, и его мать – он будто бы свалился в чан, полный этой ненависти. Он рывком сел в постели, полностью проснувшись. Он знал, что внутри него поселилось что-то злое. Он выпрыгнул из кровати, но это чувство никуда не делось. Тогда он начал бегать по комнате, будто стараясь убежать от этой злобы.

Тень покинула его тело. Она просочилась под дверью через коридор, в комнату, где пахло горьким дыханием, где спала старая женщина. Тень легла на неё. Вошла в сон старухи с такой ненавистью, что когда та проснулась на утро, то чувствовала себя так, будто бы её тело стало тяжелее мешка компоста. Плохое настроение преследовало её три дня. Но тень покинула её много раньше. Она оставила старуху и спустилась на кухню, где кухарка смотрела радостный сон, в котором она летала, как ангел. Летала до тех пор, пока тень не создала в этом сне утёс, о который кухарка разбилась с влажным шлепком. Она проснулась в ужасе, в полной уверенности, что каждая косточка в её теле была сломана, и зарыдала. Тень покинула дом через замочную скважину.

Если бы она могла, она бы с проклятиями хлопнула дверью.

Тень продолжила свой путь по городу. Она не ощущала ни пришедшего с моря дождя, ни холода. В сараях за рыночной площадью занервничали животные. Дождь молотил по жестяной крыше. Животные чуяли тень. Свиньи ворчали, коровы толкали друг друга. Тень пролетела над ними. Свиньи

визжали. Тень развернулась, раздулась. Казалось, она заняла всё пространство в этом сарае. Свиньи завизжали громче, коровы замычали. Животные изо всех сил бились об оцинкованные прутья загонов. Нотень не вошла ни в одно животное. Она пронеслась через сарай и полетела к гавани.

Там она заползла наверх по скалам, на которых стоял замок, и села около лужи, оставшейся после отлива. Возле скал стояла цапля и высматривала рыбу. Она была абсолютно неподвижна. Она то ли не заметила тень, то ли не обратила на нее внимания. Ничего не двигалось, кроме кругов, разбегавшихся по воде от каждой капли дождя, и волн, бьющихся о камни. Тень как будто закинула ногу на ногу. Она ждала. Чего же? Высматривала еду, как цапля? Возможно. Возможно, она и сама не знала, чего именно. Возможно, она поняла бы, чего хочет, только увидев это.

Ветер продолжал гнать со стороны моря тяжёлые дождевые тучи. Тень повернулась и осмотрела город: от вершины длинного холма, крутой склон которого был усеян частными и многоквартирными домами, к его подножию, где стояли общественные здания и склады, через реку, к другому холму, и до замка, который возвышался над гаванью. Нигде не горело ни одного огонька. Ни одно окно, ни один фонарь. Нигде.

Только наверху. Прямо над тенью, высоко в замке сиял, будто подначивая, свет.

Этот свет пробудил в тени какое-то чувство, сделал её

плотнее, почти что осязаемой. Испуганная цапля взлетела. Тень рванулась вверх, как фейерверк, очень мрачный фейерверк.

За окном, по которому стекали капли дождя, за столом, в свете камина и настольной лампы, в комнате настолько тесной, что она напоминала скорее кабину корабля, сидел спиной к окну высокий сухопарый черноволосый человек. Он копался в бумагах. Тень сглотнула, и по ней разлилась ещё более тёмная тьма, как будто она выпила целую чернильницу чернил из самой глубокой чернильной шахты (если бы чернила добывались в шахте), из глубочайшего океана пречёрных чернил, которыми пишут чернейшие письма, полные ненависти. Тень бросилась на окно. Она даже не попыталась найти щель.

Стекло разлетелось. Оконный переплёт – тоже. Тень ворвалась в комнату, неся с собой холодный дождь, заставляя огонь в очаге рычать и дёргаться от страха. Тень остановилась у двери. Она повернулась и раздулась, как воздушный шар. Но вместо воздуха её наполняла чернейшая жажда мести. Человек будто бы замер от ужаса. Свет камина отражался в его глазах. Тень начала уменьшаться. Она словно становилась плотнее, пока вся её ненависть, вся жажда мести не оказались сконцентрированы в чём-то размером с наконечник стрелы, нацеленной прямо в сердце. И в тот момент, когда она уже собралась рвануться вперёд, что-то в этом человеке её остановило. Его глаза блеснули. Тень не могла в это

поверить. Но его глаза блеснули, а в уголках жестокого рта заиграла улыбка. Тень замерла, внезапно догадавшись: это ловушка.

Дверь резко распахнулась, и в неё ворвались огни. Взмыла в воздух сеть из чистого света, и, опустившись, обожгла тень страшной болью. Если бы тень могла кричать, она бы закричала. Кто-то управлял лучами, причинявшими ей страдания: сеть затягивалась всё туже. А вокруг шумели люди, выкрикивая приказы, и их ботинки гремели по полу тесной каморки. Тень металась. Она кинулась вверх, люди потянули сеть вниз. На мгновение они застыли, не в силах одолеть друг друга. Но когда один человек потерял равновесие, тень освободилась. Она с невероятной силой дёрнулась ввысь. Чья-то голова столкнулась с потолком и издала звук, который издаёт шар для боулинга, сшибающий кеглю. Ещё один человек отлетел в стену. Он застонал и осел на пол, как мешок с камнями.

Тень рванулась в окно.

– Взять её!

Тень летела прочь. Она оглянулась и увидела, как слетели с крыши замка и помчались за ней огни. Несколько летучих силуэтов быстро приближались. Каждый нёс сеть обжигающего света.

Тень посмотрела вперёд и, глубоко вздохнув, словно превратилась в комету с плотной головой, в которой сосредоточилось всё её существо, и туманным хвостом. Комета рвану-

лась через ночное небо.

Пролетев несколько миль, тень оглянулась, преследователи ещё летели за ней. Но уже отставали. И каждый раз, когда тень оборачивалась, они были всё дальше. Кроме одного, который никак не сдавался. Прошло пять минут, десять, пятнадцать, но этот последний с сетью света продолжал погоню. Наконец, тень устала. Она убегала уже полчаса и начала терять скорость, а преследователь, который спокойно летел за ней, стал приближаться. К тому времени, как тень достигла гор и леса на их склонах, преследователь уже неумолимо настигал её, как волк, загоняющий раненого оленя.

Тень нырнула в лес.

Она плыла по лесу медленно, мотаясь из стороны в сторону отусталости. Но каждый раз, как она оглядывалась, силуэт с сетью был там. Настигал. Они двигались между деревьев. Тень совершила ещё рывок, петляя между стволами, и когда оглянулась, силуэта не увидела. Тень сбросила скорость, поплыла над папоротником. Лес молчал. Тень была в безопасности. Внезапно воздух засвистел, и преследователь – светловолосый подросток – спикировал, словно ястреб, раскрывая сеть света. Тень бросилась в заросли папоротника. Она думала, что упадёт на влажную землю, она уже чувствовала запах: мокрая кора, сосновые иголки, почва. Но земли она не коснулась.

Она провалилась насквозь.

Там была дыра.

Тень провалилась в другой мир. Она поняла это по тому, что воздух оказался тёплым и грязным, а не холодным и чистым, как в горах. К тому же тень была не под землёй: она падала вверх – а это невозможно. Она падала вверх, в небо. Когда она замедлилась и зависла на одном месте, то уже находилась высоко над этим другим миром. Над таким огромным городом, какихтень никогда не видела. Она даже не знала, что может быть так много света. Нити света сливались в обширную, необъятную паутину. На ярко подсвеченных прямоугольных газонах люди бегали за мячом. К небу тянулись огромные стеклянные башни, которые были выше любой башни замка в родном городе тени. Вдалеке змеилась река, которую пересекали ярко освещённые мосты, а на её берегу – огромное колесо света, которое было таким же высоким, как замок в городе тени, и на этом колесе в стеклянных пузырях были развешаны люди¹. По небу прокатился грохот землетрясения. Тень обернулась. К ней приближалась стальная птица размером с корабль². Тень отшатнулась в последний момент, и птица-корабль-летучее земле-

¹ Речь идёт о гигантском колесе обозрения *London Eye* (Лондонский глаз), расположенном в районе Ламбет на южном берегу Темзы (прим. ред.)

² При заходе на посадку в Международном аэропорту Хитроу самолёты снижаются прямо над городом по широкой спирали (прим. ред.)

трясение проплыла мимо. Через окна в её боках тень видела огромное количество людей. Птица пролетела, оставив после себя шлейф газов, которые пахли хуже кишечных. Тень выкашляла несколько маленьких теней и вздрогнула от отращения.

Она полетела прочь, уворачиваясь от других летающих машин. Не увидев своего преследователя – светловолосого парня с сетью жгучего света, – она стала снижаться.

Тень искала безлюдное место, где могла бы отдохнуть и восстановиться, но этот город был бесконечен. Тень окончательно выбилась из сил и отдалась на волю тёплого ветра, который нёс её, как течение реки несёт упавший в воду лист. Она плыла по улице, на которой стояли небольшие дома. Уличные фонари горели, но в окнах домов было темно, они были закрыты шторами. Все, кроме одного. И тень не обратила бы на это открытое освещённое окно внимания, если бы не услышала оттуда мальчишеский голос, который произнёс знакомое слово: «Бальтазар». И тень нырнула в садик, где умещались лишь несколько кустов и небольшой газончик, и решила отдохнуть. Она легла под одним из кустов прямо на землю – в этом мире стояло лето – и заснула.

1. Дурные сны

Тоби очнулся от дурного сна. Он не мог его вспомнить, но подумал, что, может быть, это родители поругались ночью, и их спор вошёл в его сон. Если ночью они и поссорились, то утром вели себя тихо. Тоби слышал только далёкое шуршание машин в час пик. Он выбрался из кровати и рывком откинул занавески, чтобы прогнать остатки своего сна. Комнату залило тёплым светом.

Тоби она нравилась. Он знал, что здесь точно живёт мальчишка, а не взрослый человек, хотя некоторые одноклассники посмеялись бы, увидь они кораблики на занавесках и на постельном белье. Но никто из них сюда не придёт, это уж

точно. На книжной полке жила модель яхты, белая с синей отделкой. Тоби раньше иногда пускал её плавать по пруду для лодок на другом конце города, но потом папа перестал его туда возить. Рядом с яхтой стояла копилка в виде пожарной машины. Пол был усеян кусочками пластикового конструктора, не из набора про супергероев или научную фантастику, а из менее популярного: Тоби строил аквед ук. Он шёл от уже построенного замка к книжным шкафам, где хранились коробки с его старыми игрушками и настольные игры, а над ними – книги. Никаких компьютерных игр: они Тоби не интересовали. У большинства книг были сломаны или оторваны корешки – так часто он их перечитывал. Про машины, самолёты, корабли, двигатели и инструкции «сделай сам». Ещё там были книги новые, в блестящих нетронутых переплётах: фэнтезийные романы, которые папа упорно дарил, а Тоби упорно не читал, потому что не понимал, что в них такого. «Лев, Колдунья и платяной шкаф» Льюиса – единственная, которую он одолел.

Тоби сел за стол, где было расчищено место для модели самолёта, с которой он возился до поздней ночи. Он впервые пробовал построить самолёт. Набор он купил потому, что папа предложил ему. Это был один из первых бипланов, Бристоль Бокскит, нетрудно догадаться, как он получил своё имя: самолёт выглядел как воздушный змей в форме коробки, под которой болталось два колеса. На хвосте у него была коробочка поменьше. Тоби потрогал сочленение. Клей вы-

сох. Изображая шум пропеллера, Тоби направил самолёт к лестничной клетке, заставив висевшие на мобиле картонные планеты крутиться по своим орбитам. Он локтем распахнул дверь так резко, что кожаный пояс с инструментами, висевший на внутренней стороне, качнулся и стукнул по ней. Тоби направил биплан к лестнице.

Через окна между этажами был виден сад. Листья букowego дерева в его дальнем конце уже начали желтеть, семена опадали на газон. На верхнем этаже была спальня родителей и папин кабинет. Внизу – обеденная комната, а ещё ниже, в подвале – кухня. Этот высокий, узкий дом стоял на склоне, поэтому задняя его сторона была ниже передней, и кухня выходила в сад. От этого он, как казалось Тоби, напоминает нору, тесную и уютную. Когда-то дом принадлежал бабушке и дедушке, которых сам Тоби помнил довольно смутно. Причём не лица, а ощущения: аромат сигаретного дыма, который исходил от дедушки, и мягкую бабушкину кожу.

– Пап, смотри! – Тоби посадил Бокскит на кухонный стол. – Я доделал его ночью.

Папа стучал по клавишам ноутбука. Волосы его были расчёпаны, один угол воротника рубашки прятался под джемпером, а второй торчал вверх.

– Что это, милый? – спросила мама. Она делала сэндвичи.

– Бристоль Бокскит, – сообщил Тоби. Изобразив рёв двигателя, он разогнал самолёт по посадочной полосе и поднял в воздух.

– Уйди, Тоби, – пробормотал папа.

Двигатель Бокскита заглох, самолёт мягко опустился, закрипели тормоза.

– Ты доделал его ночью? – переспросила мама, укладывая сэндвичи в ланчбоксы.

Тоби что-то проворчал.

– Я думаю, что это здорово.

– Мне не важно, что ты думаешь, я хочу, чтобы понравилось папе!

Мама уязвлённо нахмурилась. Тоби было неприятно, но он не понимал, почему. Он подошёл к маме, всё ещё чувствуя тёмную тень плохого сна, похожую на дым, но не зная, что с этим делать. Мама начала наполнять бутылки.

– Мне не нужно две, – тихо сказал Тоби.

– Одна моя.

– А ты не пойдёшь на работу?

– После работы она идёт на этот дурацкий протест, – папа откинулся на стуле и скрестил руки.

Мама состояла в группе эоактивистов: она ходила на марши, выступала против вырубки леса, загрязнения окружающей среды, микропластика в море, поддерживала акции в защиту вымирающих видов животных и растений. Она говорила, что даже мысли об этих проблемах делают ей физически больно.

– Он не дурацкий, Дэвид, – сказала мама обиженно. – Он важный.

– Лучше бы ты потратила эти силы на свою диссертацию. Мама стояла почти неподвижно.

– Пап, смотри! – Тоби воспользовался общим молчанием, чтобы с жужжанием заложить перед папой вираж на биплане.

– Не сейчас, Тоби!

– У меня получилось так же хорошо, как у тебя? – Тоби не отступал. – Пап? Пап?

– М-м-м? – папа теребил губу, перечитывая написанное.

– Ты сказал, что в моём возрасте строил модели самолётов. Ты сказал, мне нужно попробовать.

Папа поднял глаза.

– Нет, я так не говорил.

– Говорил! – настаивал Тоби. – Ты сказал: «Построй модель самолёта или что-нибудь такое. Мы это делали в твоём возрасте, когда было нечем заняться». Вот точно так и сказал.

Папа несколько секунд смотрел на Тоби. А потом, таким тоном, как будто ему в самом деле был интересен ответ, спросил:

– Ты нарочно ведёшь себя глупо, Тоби? – «глупо» он выделил.

– Дэвид! – воскликнула мама.

Тоби покраснел. Теперь он ненавидел свой биплан с его нахальным пластиковым пилотом в дурацких очках.

Ванная выходила на кухню и тоже была ниже уровня зем-

ли. Её дверь открылась, оттуда выплыла крупная женщина средних лет в пышном белом кимоно, расшитом цветами, с тюрбаном из полотенца на голове. Она величественно прошла через кухню, кивнула маме Тоби, самому Тоби и, наконец, гораздо более резко – его папе.

– Доброе утро, миссис Пападопулос, – сказал Тоби.

– Доброе, Теодора, – сказала мама.

– Миссис Пи, – сказал папа квартирантке, которая уже поднималась по лестнице.

Тоби подавил смешок. Миссис Пападопулос бросила сердитый взгляд на папу.

– Дэвид, – прошипела мама, когда миссис Пападопулос ушла. – Пожалуйста, перестань её так звать!

– Это звучит грубо! – засмеялся Тоби.

– Именно, Тобс, – подмигнул папа.

Тоби снова был счастлив.

– Ладно, мне надо работать, – папа захлопнул ноутбук и поднялся со стула.

– Тогда увидимся, когда я вернусь из школы, пап?

– Нет. Днём я буду в министерстве.

– Но у меня протест, – сказала мама. – Кто-то должен быть дома, когда вернётся Тоби.

– Он достаточно взрослый, чтобы о себе позаботиться. Так ведь, Тобс?

– Может, я могу пойти с тобой в министерство?

– Нет, – папа подошёл к лестнице. – К тому же миссис Пи

будет дома.

– Не зови её так, – напомнила мама. – И вообще, речь не об этом. Тебе нужно побыть с сыном.

– Не попадись полиции, Хелен, – сказал папа, скрываясь из вида.

Повисла тишина. Мама смотрела сквозь стеклянные двери на сад, сжимая в руках ланчбокс. Там не было ничего, кроме большого бука. Тоби чувствовал, что дурной сон всё ещё не ушёл.

– Ты ведь не попадёшься полиции, правда, мам?

– М-м-м? – Мама отвернулась от дверей. – Нет, Тоби, не попадусь.

– Ох! Папа не допил свой кофе. Я сделаю ему новый.

– Ты опоздаешь в школу.

– Не. Времени полно.

* * *

Отнести кофе наверх оказалось сложнее, чем Тоби думал. Он наполнил чашку до краёв, и теперь ему предстояло преодолеть три пролёта и несколько поворотов. На стене лестницы мелькал свет, играющий с листьями бука. Одно было хорошо: солнце прогнало дурной сон. Тоби донёс чашку до двери папиного кабинета, не разлив ни капли, но его ждала самая сложная часть: надо было поставить чашку на стол. Тоби пролил немного, и по разложенным бумагам расплз-

лось кофейное пятно.

– О, да ради всего!.. – воскликнул папа. – Тоби!

– Прости, пап.

– Ты нарочно ведёшь себя глупо? Зачем ты налил до краёв?

– Я хотел...

– Выйди!

Тоби смотрел, как коричневая жидкость впитывается в бумагу.

– Это твой роман, да, пап?

Папа искал, чем вытереть пролитое.

Он писал едкие, иногда откровенно злые тексты, которые продавал телевидению и радиостанциям, саркастичные статьи для газет, а недавно стал ещё и спичрайтером в министерстве. Тоби нравилось всем рассказывать, что его папа работает на правительство, и нравилось ездить с папой в министерство. Мальчик замечал, что остальные работники любили его папу, звали его «мистер Портер», говорили, какой он замечательный. Но папу больше всего интересовал его роман, которому он посвящал всё своё свободное время: по утрам, вечерам, в выходные. Он даже перестал возить Тоби на лодочный пруд, как раньше. Или хотя бы куда-нибудь. Сколько Тоби себя помнил, папа всегда работал над романом.

Мама говорила, что начал он задолго до рождения Тоби. Написанное уже занимало целую полку, и каждый день туда

добавлялось ещё несколько страниц. Тоби думал, что из этого получится самая длинная книга в истории. Среди обычных белых листов, по большей части исписанных от руки, встречались разноцветные страницы, Кое-какие были смяты и выкинуты в мусорную корзину, но потом вынуты оттуда и помещены к остальным. Папа мог писать даже на старых конвертах и, как Тоби однажды заметил со странной смесью раздражения и гордости, в одной из его старых тетрадок. Действие романа происходило в мире, который назывался Бальтазар. Полностью выдуманная история, но папа никак не мог подвести роман к сказочному финалу. Судя по всему, вообще хоть к какому-нибудь финалу.

Глядя на расплзающиеся по бумаге кофейные пятна, Тоби почувствовал тяжесть в груди. Он уничтожил работу папиной жизни.

– Это же не «Королевство над морем», да, пап?

– Ты ещё тут?

* * *

На самом деле, Тоби принёс отцу кофе, не только чтобы его порадовать. Тоби ненавидел школу, поэтому изо всех сил медлил и старался собираться как можно дольше. Дело было не в уроках, которые ему иногда нравились, но по большей части вообще не волновали его, и не в учителях, которые ему по большей части нравились, но иногда оставляли рав-

нодушным. Дело было в одноклассниках. Они яростно ненавидели Тоби.

Когда он вышел из дома, тяжесть от дурного сна вернулась. Он физически ощущал её на своих плечах. Казалось, сон ползёт за ним по Арнольд-стрит, как свинцовая туча. Что-то точно взбежало по его шее, проползло по голове и оставило чувство, будто за ним наблюдают. Убеждённости в этом была настолько сильной, что Тоби даже обернулся, но увидел лишь обычные утренние тени деревьев.

Чем ближе он подходил к школе, тем медленнее шёл и тем чаще останавливался, чтобы разглядеть что-нибудь, что привлекало его внимание. У входа в парк он задержался, чтобы посмотреть на дорожные работы. Красно-белые загородки окружали канаву. Рядом стоял знак с требовательной надписью: «ВЫБИРАЙТЕ ПУТИ ОБХОДА». Тоби заглянул в канаву.

Она оказалась глубокой. Внутри ни труб, ни кабелей, а рабочий всего один, с седыми волосами и серебристой щетиной. Он смотрел в никуда, в уголке его рта торчала самокрутка. Мальчика он заметил не сразу.

– Всё нормально, шеф?

– Глубоко тут, – сказал Тоби. – Что вы делаете?

– Чиним.

– Что чините?

– Да ерунда. Ты не опоздаешь в школу?

Тоби глубоко вдохнул, громко выдохнул и пошёл дальше,

пиная мелкие камешки и раздражая идущих навстречу людей, которые старались увернуться от них.

В школе, как всегда, всё было плохо. Точно тот дурной сон, который он видел ночью и никак не мог вспомнить, сколько ни пытался, следом за ним проник в здание. Он опоздал на переключку и получил предупреждение, что в следующий раз школа сообщит об опоздании родителям. На первом уроке одноклассник неправильно ответил на простой вопрос. Тоби, увидев возможность для отличной шутки, спросил: «Ты специально ведёшь себя глупо?» В ответ несколько человек попросили его заткнуться. После перемены, пока они ждали учителя, Тоби рассказывал сидящим рядом, что днём у его папы встреча с министром в правительстве. Никому это не было интересно. Тогда Тоби добавил, что его папа дружит с премьер-министром (что было совсем не так). Тоби всё время говорил про своего папу. После урока, когда они выходили из класса, один крупный мальчик стукнул Тоби по руке.

– Эй, ты чего? – возмутился Тоби.

– А ты помолчал бы...

Поток одноклассников унёс Тоби прочь, и он не услышал последнего слова, но угадал его.

После перемены им раздали проверенную домашку по естествознанию. Тоби понравилось её делать, и он был уверен, что получит хорошую оценку. Но тетрадь вся пестрила жирными красными крестами. Плечи мальчика поникли.

Урок начался, а он всё ещё читал пометки: оказывается, он неправильно понял задание. Учитель задал вопрос, но Тоби был занят своей тетрадью и не имел ни малейшего понятия, как отвечать.

– Соберитесь, мистер Портер! Соберитесь!

Последним уроком перед обедом шёл английский. Учительница была в плохом настроении (может быть, её тоже преследовал дурной сон). Одноклассники это заметили и нарочно пытались её разозлить.

– Ещё кто-нибудь скажет хоть слово, и я задержу вас на пять минут. Вы попадёте в конец очереди в столовой, и вам достанутся только корки от пиццы. Твёрдые, как вулканический камень, – сказала учительница с мстительной улыбкой.

Наступила тишина. Но Тоби снова увидел возможность поднять свою популярность отличной шуткой:

– Не страшно, мисс: еда здесь ужасная, в какое время ни приди. Так что давайте. Мама сделала мне обед с собой.

– Ну всё! Остаётесь после звонка!

Весь класс застонал. После урока Тоби притворялся, что не чувствует ненависти, направленной на него со всех сторон, как лазерные лучи.

Он мечтал о друге. Но как бы ни пытался с кем-то подружиться, что-то всё время шло не так. Поэтому во время обеденного перерыва он просто ходил по площадке и улыбался, как будто ему и так было хорошо. Всё время ныла и чесалась шея, ощущение, будто кто-то за ним следит, не отпуска-

ло. Тоби даже однажды обернулся, но никого не увидел. Точнее, увидел только одноклассницу, которая улыбнулась ему. Странно, но наверняка никакой опасности, ведь эта девочка с прямой чёлкой не из той компании, что вечно его задирала, он улыбнулся в ответ. Девочка покраснела и заулыбалась шире. Тоби обрадовался, его мысли затуманились. С ним такое раньше бывало: он чувствовал по отношению к некоторым людям что-то такое, будто облако или глубокое море, но он не знал, что сказать, чтобы слова передали это чувство. А когда он пытался, обычно получалось что-то совсем не то. Так и в этот раз. Он подошёл к девочке и выпалил:

– Эй, что это у тебя с волосами?

С её лица сбежала улыбка, на глазах выступили слёзы. Девочка ушла.

Вот так пролетел день.

* * *

– Здравствуйте, миссис Пи, – крикнул Тоби, но потом вспомнил, что ей не нравится, когда её так зовут, и поправился на ходу, так что получилось что-то вроде «Пи-аподопулос».

У него всегда были сложности с именем их квартирантки. Когда она появилась здесь впервые много лет назад, он был ещё маленький, и ему показалось, что эту даму зовут Гиппопотамус. Тоби понадобилось несколько месяцев, чтобы он

осознал свою ошибку.

Миссис Пападопулос была оперной певицей. У неё был домик в Греции, но она сохраняла за собой комнату на Арнольд-стрит несмотря на то, что часто уезжала на гастроли по другим странам. Она говорила, что Лондон для работы – лучшее место, здесь для неё открыт целый мир. Тоби нравилась миссис Пападопулос и нравилось слушать, как она поёт. Но в тот день из её комнаты под крышей не доносилось ни звука. Тоби прошёл к себе и снова увидел Бристольский Бокскит. Дурацкая была идея собрать эту модель. Пилот всё ещё чему-то радовался. Он нагнулся над своими рычагами так, будто собирался отправиться в великое путешествие. Тоби надавил на край крыла пальцем. Биплан накренился, одно колесо оторвалось от стола. Тоби надавил сильнее. Что-то щёлкнуло, стяжки порвались, и верхняя плоскость обвисла, как крыло раненой птицы.

– Как бессмысленно, – сказал кто-то.

Тоби обернулся. В дверях стояла миссис Пападопулос со стаканом воды в руке.

Тоби захлестнули такие бурные чувства, что он разрыдался. Миссис Пападопулос вошла, и Тоби опустил голову, чтобы скрыть слёзы. Она пахла ландышами. Он почувствовал, как её пальцы вплетаются в его волосы, а потом ладонь ложится на макушку.

– Сдаётся мне, быть юношей – тяжкий труд, – сказала миссис Пападопулос. – Почему бы тебе не попить чего-нибудь

горячего? С печеньем? Альфред как раз на кухне.

– На кухне?

– Не расстраивайся из-за самолёта. Ты его починишь. У тебя хорошо получается чинить.

Тоби кивнул, не смея поднять голову: он боялся снова расплакаться.

Спускаясь на кухню, он подумал, что миссис Пападопулос права. У него и правда хорошо получается чинить. Как-то раз он попробовал вставить назад стекло, которое выпало из окна в её комнате. У него не получилось, и маме пришлось вызвать рабочего: сама она была слишком неуклюжей, чтобы вставлять стёкла, а папа боялся высоты и не хотел высываться в окно. Тоби внимательно следил за тем, что делает рабочий. А тот показал мальчику, как разминать в руках замазку, как укладывать её по краю стекла. И они вставили стекло вместе.

На кухне Тоби уселся на ступеньке рядом с Альфредом. У того было круглое лицо и болезненные жёлтые глаза. На переносице залегла морщина, которая придавала ему такой вид, будто бы он всё время размышлял о чём-то важном. Под глазами у него повисли мешки, точно он занимался этим до раннего утра. Шерсть его была длинная и мягкая. Потому что Альфред – самый толстый и ленивый кот на всей Арнольд-стрит, а может, и во всём Лондоне. Или даже в мире. Мама говорила, что ему стоит сесть на диету, а папа его ненавидел и при каждом удобном случае стрелял из водяного пи-

столета. Альфред был котом миссис Пападопулос и лучшим другом Тоби.

И не важно, о чём Тоби говорил: с Альфредом ничто не могло пойти неправильно. А если Тоби не хотел говорить, Альфред не настаивал. В этот раз Тоби не хотел говорить, так что они просто сидели, наслаждаясь тёплым сентябрьским солнцем, слушая миссис Пападопулос. Она открыла окно (то самое, которое починили Тоби и приглашённый рабочий), и оттуда доносилось её прекрасное пение. Тоби не понимал слов: они были на незнакомом языке. Через сад, в самом его конце, он наблюдал за людьми в многоквартирных домах. Странно, но обычно их не видно. С садом тоже творилось что-то странное. Он как будто стал пустым, голым. От этого вернулось ощущение дурного сна. Какая-то пустота. Везде была мелкая светлая пыль. На траве, на растениях, на садовой дорожке, в воздухе.

Альфред тоже почуял странное: он то и дело бросал долгие взгляды на точку в пространстве над газоном.

– В чём дело?

Альфред напряжённо поднялся и пошёл по траве к этой своей точке. Тоби не был уверен, но вроде бы видел, что там парит еле заметная тень. Может, показалось.

– Как думаешь, что это, Альфред?

Альфред какое-то время неподвижно смотрел туда, но потом вернулся к Тоби. А тот, потеряв интерес к тени, рассказал Альфреду про свой дурной сон и про всё, что сегодня

пошло не так. Что папа сказал, будто сделать самолёт было глупостью, и что потом разозлился, когда Тоби пролил кофе. Что в школе, как всегда, всё плохо. Альфред слушал, и Тоби рассказал ему – в стомиллионный раз – про роман, который папа писал всю жизнь. Про жестоких королей и королев, про людей с невероятными способностями. Но Тоби добавил к ним историю о мальчике по имени Тоби и его белом коте Альфреде, которым пришлось бежать от сил зла и спасти Бальтазар от тирании.

И тень плавала в воздухе над садом, будто тоже слушающая.

* * *

Папа вернулся домой.

– Где мама?

– На протесте.

– Разве она не должна была уже вернуться?

– Не глупи, пап. У протестов нет расписания.

– Что у нас поесть?

Папа подошёл к холодильнику, заглянул внутрь и закрыл его. Альфред за это время успел подкрасться и усесться за дверью холодильника. От неожиданности папа вскрикнул и подпрыгнул. Тоби засмеялся. Папа бросился на Альфреда, а тот рванул в сад.

Мама не вернулась к семи, и Тоби отправил ей сообщение. Папа приготовил им фасоль на тостах, и после ужина Тоби

позвонил маме. Она не ответила. Он продолжал ей звонить, но, не добившись успеха к девяти часам, начал волноваться. Папа включил телевизор. В новостях показывали кадры с протеста. Часть протестующих навалилась на полицейских, и полицейские били их дубинками и пластиковыми щитами. У некоторых людей на лицах была кровь. Папа сказал, что они это заслужили. Тоби подумал, что его мама могла пострадать, и упросил папу обзвонить ближайшие больницы. Ни в одну из них Хелен Портер не поступала.

Тоби уже давно пора было в постель, но он не мог уснуть, не зная, где мама и что с ней. Он лежал на диване, глядя на видео с протеста в новостях, его глаза слипались, он клевал носом. В полусне он видел, как маму топчут полицейские лошади... Тоби резко сел и выпрямился, широко открыв глаза, а потом распахнул окно и впустил прохладный ночной воздух, чтобы взбодриться.

Во всех квартирах за садом горели окна. И тут Тоби понял, что изменилось в саду. И это так его удивило, что он произнёс вслух:

– Бук исчез.

– Ммм? – промычал папа.

– Бук исчез из сада.

– Его спилили.

– Кто?

– Хирурги по деревьям. Пока ты был в школе.

– Но они же не могли так просто?..

– Мы их вызвали. Дерево болело. Его нужно было спилить.

– Но это было наше дерево, – расстроено сказал Тоби.

Ещё не до конца разлепив глаза, Тоби высунул голову в окно, чтобы лучше видеть. Дерево исчезло. Оно оставило на своём месте осязаемую пустоту. А ещё светлую пыль и свежий пень. Вся лужайка была усыпана этой странной пылью. А в воздухе между ним и лужайкой висела тень, как раз там, куда днём смотрел Альфред. Теперь Тоби был уверен, что ему не показалось. Воздух там как будто сгустился. Казалось, к нему можно прикоснуться. За этим сгустком тьмы ничего было не видно. Тоби качнул головой в одну сторону, потом в другую и только убедился, что всё это ему не кажется. Он наклонил голову так, чтобы тьма оказалась между ним и пнём. И тьма полностью закрыла его собой.

Она двигалась.

Тень висела метрах в пяти от Тоби, медленно двигаясь прямо к нему. И в этом спокойствии, этой медлительности, этой тьме было что-то такое, что ему не понравилось. Он отшатнулся от окна. Угольно-чёрная тень приближалась со скоростью резвого слизня. У Тоби не оставалось сомнений, что, достигнув окна, тень потянется к нему, облепит его, вползёт в него. Окутает его внутренности своей тьмой. Их разделяло уже не больше двух метров. Тень будто состояла из патоки. Мурашки пробежали по спине Тоби вверх и вниз. Он быстро шагнул вперёд и захлопнул окно.

– Не хлопай! – крикнул папа.

Тоби запер окно и отошёл.

Зазвонил папин телефон.

В большом окне, выходявшем в сад, отражался Тоби, за ним его отец с открытым ноутбуком на коленях. Он говорил по телефону и ерошил свои тонкие растрёпанные волосы. За стеклом простирался тёмный сад, в квартирах напротив горели огни. Никакой парящей тьмы. Никакой тени.

– Тоби, – позвал папа.

Тоби ждал.

– Тоби, – позвал папа.

– Что? – прошептал Тоби, не в силах сдвинуться с места.

– Маму арестовали.

2. На пляже маргита

Мама вернулась домой утром. Тоби подбежал к ней и крепко обнял, а потом отошёл на шаг и внимательно осмотрел. По телевизору показывали протестующих: неопрятных, с искажёнными лицами. Они кричали и вырывались, когда их тащили полицейские. Было невозможно поверить, что его очень спокойная мама, одетая так, как всегда одевалась на работу в регистратуру клиники, в белую рубашку и коричневые ботинки, джинсы и летнюю куртку, могла оказаться одной из них.

Она поставила на пол свой маленький красный рюкзак и

застыла, как в ступоре. Тоби залез в него в поисках улики, но нашёл только рабочую юбку, пустой ланчбокс, бутылку воды, яблоко и термос. Мамины каштановые волосы, спускавшиеся на плечи, были немного растрёпаны, и выглядела она рассеянной. А всё остальное – как обычно.

Мама проголодалась, поэтому родители спустились вниз. Папа, который забирал её из полицейского участка, сердито гремел посудой, готовя завтрак. Мама сидела за кухонным столом, положив голову на руки, и массировала виски.

– У тебя болит голова? – спросил Тоби.

– Немного.

Тоби сбегал за таблетками и налил в стакан воды. Пока мама пила, он взглядом искал следы от наручников на её запястьях. Не нашёл. Но отметил, что ладони ярко-красные, как будто она тёрла их мочалкой.

– Так что случилось, мам?

– Чуть позже, Тоби.

Тоби сел. Альфред потёрся о мамину ногу, запрыгнул на колени к мальчику и вместе с ним ждал рассказа об аресте. Тоби ни разу не слышал, чтобы мама повышала голос, а тем более ссорилась с кем-то, кроме папы. Но даже во время ссор не было похоже, что мама злится: ссоры будто причиняли ей боль, и после них мама обычно плакала. Как у неё могли появиться проблемы с полицией?

– Что случилось, мам?

– Ш-ш-ш. Сначала я поем.

Итак, съев пару крутых яиц и тост, сжимая в своих маленьких преступных руках чашку жасминового чая, мама начала рассказывать.

Всё проходило в самом центре Лондона. Протест не был согласован, поэтому проблемы начались сразу. Собравшиеся выступали против расположенных в Сити компаний, которые вредят окружающей среде выбросами и мусором, против банков, которые дают этим компаниям деньги. Протестующие собирались пройти мимо башен офисных центров. Там несколько человек отделились от основной группы и приклеили себя к большим стеклянным дверям банка. И мама вместе с ними.

– Ох, да боже ж мой! – воскликнул тут папа.

Мама намазала ладони клеем и приклеилась ко входной двери. Никто не мог войти или выйти, пока мама не отодвинется. Марш ушёл дальше, и вскоре остались только те, кто приклеился к стеклу, и охранник, который оказался очень дружелюбным. Мама сказала, что он достал из её рюкзака бутылку и подносил к её рту, когда ей хотелось пить.

– Оказывается, его сын хорошо играет на пианино, – сказала мама. – Он в седьмом классе.

– Нам не интересен сын охранника, – отмахнулся папа.

– Ну, а мне интересен, Дэвид.

– Там были журналисты? – спросил папа.

– Репортёр и оператор с телевидения. И кто-то из газет.

– Ты не назвала им своего имени, я надеюсь?

– Мам, расскажи про арест!

К банку приехали полицейские специалисты с мыльной водой и химикатами и ещё пару часов отклеивали протестующих от банка. Они делали это медленно, чтобы не сорвать кожу с их ладоней.

– И они тебя арестовали? – спросил Тоби.

– М-м, ну, нет.

Полицейских специалистов вызвали из Уэльса специально, чтобы те помогли справиться со шквалом протестов в Лондоне, потому что сил лондонской полиции не хватало. К тому времени как эта группа отклеила всех протестующих, их смена уже почти кончилась. Им не хотелось тратить время на аресты и оформление нарушителей. У них были билеты в театр на «Отверженных», они очень не хотели опоздать, так что маме сделали предупреждение ипустили.

– А, – только и сказал Тоби. Он был даже немного огорчён: ему начинала нравиться мысль, что его мама нарушительница закона.

– Тогда как ты оказалась в участке? – спросил папа.

– Я дошла до другого банка и приклеилась к нему.

– Опять? Ты что, новая Грета Тунберг?

Тоби не мог поверить, что его тихая, спокойная мама настолько целеустремлённа. Он был по-настоящему поражён и смотрел на маму с восхищением.

Столичные полицейские оказались не такими добродушными, как валлийские. Когда они отклеили маму (причём

грубо), они с большим удовольствием её арестовали. Маму погрузили в полицейскую машину, отвезли в участок и заперли в камере до утра. Утром её вывели из клетки, сообщили дату слушания в суде и отпустили.

– Тебя посадят в тюрьму? – у Тоби ёкнуло сердце.

– Нет.

– Может быть, и да, – проворчал папа.

– Меня просто оштрафуют.

– Ты этого не знаешь, Хелен.

– Ты можешь хотя бы немного меня поддержать?

– Я только что устроился на работу в правительство, а ты нарушаешь закон на глазах журналистов. Ты нарочно ведёшь себя так глупо?

Мама осела на стуле так же, как Тоби, когда он получил плохую оценку по естествознанию.

– Дэвид, – прошептала она.

– Ой, простите, Ваше Высочество, – сказал папа. – Ты хотя бы подумала, чем твой арест может закончиться для нас?

Тоби закусил губу. Он считал, что быть арестованным за что-то, во что ты веришь, почётно, даже если ты в самом деле нарушил закон. Но он понимал, что сейчас не время говорить это вслух. Мама встала, подошла к стеклянным дверям и выглянула в сад. Роса блестела в бледном свете солнца.

– Всё будет хорошо, папа, – сказал Тоби.

– Да что ты знаешь про наши законы? – огрызнулся папа.

Альфред, до этого спокойно сидевший на коленях у То-

би, встал во весь рост, как будто услышав в папином голосе личное оскорбление, потянулся, спрыгнул на пол и подошёл к маме.

– Так не может продолжаться, Дэвид, – сказала мама.

– Что-что? – переспросил папа, бросая взгляд на кота и оглядываясь. Должно быть, в поисках водяного пистолета.

– Мы больше не можем это продолжать. Я уже не могу.

– Ну, в таком случае тебе стоит...

Папа не договорил: мама вскрикнула, распахнула дверь и вышла в сад.

– Бук, – сказала она. – Бук пропал.

– Его спилили, – пояснил Тоби.

– Но мы не давали согласия...

– Давали, – перебил папа.

– Нет, не давали.

Мама прошла по росе и мелкой пыли. Тоби только теперь понял, что это опилки. Мама встала около пня, Тоби и Альфред – рядом с ней. Они почти физически ощущали призрак дерева, нависшего над ними.

– Это дерево посадили, когда мне было три, – сказала мама.

– Мне жаль, мам, – сказал Тоби, не зная, что ещё сказать. Он сжал её руку. Они втроём – мама, Тоби и Альфред – стояли и смотрели на оставшуюся от дерева пустоту.

Той ночью дурной сон вернулся. Тоби этого не хотел, но сон пришёл и будто сжал его когтями. Тоби попытался проснуться, но был слишком усталым. Он находился между сном и явью, одурманенный своей усталостью. Во сне Тоби бежал по горному лесу, по грязным тропинкам, усыпанным сосновыми иголками, а потом падал с огромной высоты, и это падение превращалось в спуск по каменным ступенькам в городе. А внизу лестницы – или колодца? – кто-то звал на помощь. Когда Тоби наконец очнулся ото сна, ему было так жарко, что он тут же сбросил одеяло. Футболка насквозь промокла от пота. Он стащил её, сполз с кровати, ещё не до конца проснувшись, и встал посреди комнаты, слегка покачиваясь. Ему не хотелось оставаться в постели вместе с дурным сном. А сон был ещё там. И тень, которая его породила. Чёрная, густая, как патока.

Под дверь просачивалась полоска тёплого света, и это успокаивало Тоби. Он вышел на лестницу. Снизу доносились голоса. Он подумал было спуститься к родителям, но не хотел, чтобы папа видел его напуганным. Тоби поёжился: пот высох, и стало холодно. Он выудил из комода старую пижаму, которая была мала. Ему хотелось, чтобы мама пришла и спела что-нибудь, как в детстве. Ей нравились мюзиклы, а ему нравилось, как она поёт. И хотя пела она не так

хорошо, как миссис Пападопулос, у неё был красивый голос. Прекрасные песни из «Волшебника страны Оз» и «Энни»: «Завтра», «На другом конце радуги» и «Мы идём к волшебнику». Тоби спустился на пол-этажа и услышал, что родители ссорились. Мама плакала.

* * *

На выходных Тоби с папой поехали в Маргит. К маме приезжала погостить университетская подруга, которую папа терпеть не мог, поэтому он и решил уехать и переночевать в отеле. Тоби не ожидал, что папа возьмёт его: папа редко ездил в командировки и никогда не брал Тоби с собой, даже если тот очень просил. Тоби был вдвойне рад, потому что из-за дурных снов он не чувствовал себя в безопасности дома. Хотя он и не видел тень с тех пор, как захлопнул перед ней окно и убедил себя, что это был просто обман зрения, ему не хотелось оставаться дома в одиночестве. Каждое утро он просыпался с дурным предчувствием, уверенный, что рядом есть ещё кто-то.

В Маргите была песчаная бухта, окружённая крутыми утёсами. Тоби хотел поплескаться в море и посмотреть на железную дорогу с паровозами, до которой можно было доехать на машине. Но по пляжу немилосердно хлестал дождь такой сильный, что даже самые заядлые купальщики предпочитали сидеть дома. А железная дорога оказалась закрыта

на ремонт.

Отель, в котором папа снял комнату, оказался очень неухоженным. Едва они заселились туда, папа сразу сел за стол у окна, достал ноутбук и начал печатать.

– Я думал, мы куда-нибудь сходим, – сказал Тоби.

– Что это, по-твоему? – папа ткнул пальцем в окно.

– Небо?

– Нет.

– Тогда море?

– Нет. Дождь.

– Нет, это просто небо, а по нему летают чайки.

– И дождь.

Тоби вздохнул и рухнул на кровать. Пружины скрипнули.

– Шшшш! – прошипел папа. – Я пытаюсь писать.

– Ты пишешь свой роман?

Папа не ответил.

– Миссис Пападопулос говорит, что ты станешь счастливее, когда наконец допишешь его.

Папа прекратил печатать, поднял голову и уставился в окно, как будто ему только что пришла в голову самая потрясающая идея в истории идей.

– Папа, у тебя новая идея про Бальтазар?

Папа медленно повернулся на стуле.

– Можешь сказать миссис Пи, чтобы она занималась своими операми, или я засуну её мнение ей в арию.

– А, ну ладно, ну как хочешь, какое мне дело. Чем зай-

мёмся?

– Я буду писать, – папа развернулся обратно к экрану. – Ты можешь погулять по отелю или заняться чем-нибудь ещё.

– Чем-нибудь ещё, – пробормотал Тоби себе под нос. – Ну давай куда-нибудь ходим, ну паааап.

– Уйди, Тоби!

– Она права, – Тоби встал с кровати и сказал так же громко, как папа. – Ты трудный человек.

Папа как будто впервые заметил его.

– Сядь, Тоби, – сказал он, указывая на кровать.

Тоби плюхнулся на древнюю кровать с древним пружинящим матрасом. Он был немного напуган, потому что знал, что сейчас ему влетит.

– Послушай, – сказал папа, – я хотел сказать тебе потом, но почему бы и не сейчас. Мы с твоей мамой разводимся.

Папа положил одну руку на спинку стула. У него за спиной простиралось серое небо, в котором птицы то зависали, то пикировали, показывая друг другу фигуры высшего пилотажа. Они напомнили Тоби детей на скейтбордной площадке.

– Так что пока мы не продадим дом, – продолжил папа, – вам с мамой придётся съехать.

– Что? – переспросил Тоби.

Папа сердито нахмурился и повторил сказанное слово в слово.

– Почему я не могу остаться дома с тобой?

– Потому, что ты едешь с мамой.

– Но я хочу остаться с тобой.

– Нет, не выйдет. Мы это обсудили, и ты едешь с мамой.

– Но это же нечестно!

– Жизнь вообще нечестная, Тоби.

– Вы меня даже не спросили!

Папа страдальчески вздохнул и покачал головой, будто бы говоря кому-то невидимому: «Видишь, с чем мне приходится иметь дело?»

– Что поделать, так уж сложилось, Тобс, – папа говорил медленно, будто бы с полным дурачком.

Чайки носились и крутились в небе.

– Что будет с Альфредом?

– Ну, он уедет с миссис Пападопулос. Мне-то он на кой...

Мне этот кот не нужен.

– А.

Повисло молчание.

– Ясно? – спросил папа.

Тоби смотрел на узоры на ковре.

– Ясно?

Тоби плохо видел папу на фоне яркого неба. Наконец папа отвернулся к компьютеру и застучал по клавишам.

Тоби ещё немного посидел. И встал.

– Я пойду прогуляюсь.

– М-м? – папа смотрел в экран.

– Я пойду прогуляюсь.

– А, ладно, Тобс. Тебе нужны деньги?

– Нет.

– На, возьми денег, – папа выудил кошелёк из куртки и протянул Тоби десятифунтовую купюру. – Сходи на аттракционы.

Тоби взял купюру и вышел из комнаты, сжимая её в кулаке.

Он немного побродил по коридорам, покружил по банкетному залу, пятнистому от влаги, заглянул в зал с башенками из стульев, пооткрывал ящики в общей гостиной. Там были коврики и свечи. Тоби направился вниз и вышел через вращающуюся дверь. Куртка тут же раздулась от ветра, словно парашют, и промокла от дождя. Тоби спустился на берег и отправился бродить по бескрайнему пляжу Маргита.

Он решил, что тень, вторгшаяся в его жизнь, принесла беду.

Тоби обошёл стороной парк развлечений (на его вывеске красовалась надпись «Страна Мечты», будто бы развлечения тут были превосходными) и спрятался от дождя под навесом.

Он не хотел садиться, потому что мокрые джинсы липли к ногам и сгибать колени было неприятно.

– Всё окей, шеф, – сказал кто-то.

Тоби повернулся на голос и увидел немолодого мужчину в рабочем комбинезоне, с седыми волосами и с серебристой щетиной на щеках, в уголке рта торчала самокрутка.

За спиной у мужчины возвышалось проволочное ограждение с бетонными блоками вместо ножек. На ограждении

висела холщовая ткань, так что нельзя было рассмотреть, что происходит за ней.

– Что вы чините? – Тоби кивнул на ограждение.

– Вселенную, – подмигнул мужчина.

Тоби потребовалось время, чтобы понять, что имел в виду рабочий. Где-то примерно полминуты. Он смотрел на мужчину. А потом до него дошло, что незнакомец пытается шутить. Тоби внезапно надоело, что все вокруг такие саркастичные. Поэтому он вышел из-под навеса под яростный ветер и, проходя мимо рабочего, крикнул:

– Заткнись, ты, идиот!

3. Энджел-лейн

Утром, когда Тоби и мама должны были уехать из дома насовсем, он зашёл к миссис Пападопулос попрощаться и не заметил – да и она тоже – тень, которая поднялась за ним и повисла под потолком. Зато Альфред заметил её и начал хмуро разглядывать.

У миссис Пападопулос в глазах стояли слёзы. Она обняла Тоби и спела ему на ухо песенку «Завтра» из мюзикла «Энни».

– Присмотри за мамой, – сказала она.

Тоби кивнул, давясь слезами. Он поднял кота и зарылся

лицом в его длинную мягкую шерсть.

– Пока, Альфред, – Тоби сумел не расплакаться.

Спускаясь вниз, он не заметил ни летящую за ним тень, ни идущего следом Альфреда.

Папа сидел за столом и писал про Бальтазар. Тоби встал в дверях, замешкавшись. Тень за его спиной спустилась ниже, Альфред спустился за ней.

– Не задерживайся, Тобс, – сказал папа. – Твоя мама хочет поскорее уехать.

Тоби не мог заставить себя войти в кабинет и обнять папу, но и заставить себя уйти тоже не мог.

– Послушай, Тобс, – сказал папа, поворачиваясь на своём капитанском кресле. – Чем скорее ты поймёшь, что ничего в этом мире не складывается к лучшему, тем лучше.

Тоби ждал, что папа скажет что-нибудь ещё. Подойдёт и обнимет его. Но папа вздохнул и повернулся обратно к ноутбуку. Тоби сделал шаг вперёд, чтобы спросить, может ли он остаться на Арнольд-стрит, пока дом не будет продан. И когда он уже открыл рот, папа шумно втянул воздух, выпрямился в кресле и сказал:

– Ладно, Тобс, не задерживайся. Твоя мама хочет ехать.

По дороге к лестнице Тоби провёл пальцем по шраму на комодe, который он случайно оставил пару лет назад зубилом со своего пояса с инструментами. Шрам светился в лучах утреннего солнца.

Выйдя наружу, Тоби посмотрел в окно кабинета. Отца не

было видно, но он надеялся, что тень не причинит ему вреда. Мальчик так внимательно смотрел в окно, что не заметил, как эта самая тень проскользнула через входную дверь, проплыла по дорожке и втянулась в багажник, притаившись среди коробок. И Альфреда он тоже не заметил. Кот вышел за тенью и сел на тротуаре, глядя на багажник.

Альфред был котом крайне любопытным и расположенным к путешествиям. Он часто посещал разные страны с миссис Пападопулос, и чаще всего Грецию. На международных рейсах он сидел в удобной кошачьей переноске, а по Лондону ездил в просторной кожаной сумке своей хозяйки, высунув голову наружу и глядя по сторонам. Иногда даже забирался в рюкзак Тоби, где тот его обнаруживал, уже придя в школу. Если бы мысли мальчика не были заняты исключительно отъездом, он бы проверил, что Альфред заперт дома и никуда не денется. Но он не мог думать ни о чём, кроме отъезда, а потому не видел, как Альфред грациозно запрыгнул в багажник вслед за тенью и устроился в складках одежды.

* * *

Лето ещё не сдавалось. Они мчались по дороге мимо короткой выжженной травы и утомлённых деревьев, а солнце немилосердно жарило сквозь лобовое стекло. Под щёлканье поворотника они въехали на развязку.

– Ох, – сказала мама через несколько минут. Её взгляд метался между приборной панелью, телефоном и дорогой. Она нажимала кнопки.

– Осторожней, мам.

– Столько народу... – мама затормозила и вгляделась вперёд. – Я... э-э-э, я не узнаю это место.

– Лучше найди, где встать.

Мама остановилась у обочины.

– Мам, здесь нельзя останавливаться.

Машина сзади объехала их, истошно сигналила.

Тоби проверил телефон: потрясающе, нет связи. Снова раздался гудок: их обогнул тёмный силуэт, за ним другой. Водитель проезжавшего мимо грузовика опустил стекло и что-то крикнул.

Мама тоже опустила стекло.

– Пошёл ты! – крикнула она.

Тоби смотрел на маму в недоумении. Он никогда не видел, чтобы она выходила из себя. Вообще никогда.

Впереди около съезда был знак. Тоби выскочил из машины и побежал к нему.

– Тоби! – донёсся сзади мамин панический вопль.

На знаке было написано:

ЭНДЖЕЛ-ЛЕЙН

Частная территория

Когда он развернулся, чтобы идти назад в машину, то увидел в дальнем конце пыльной улицы рабочих. Они кирка-

ми и лопатами рыли землю, а один закрывал участок дороги красно-белыми загородками. Он был старше остальных, седоволосый и с сигаретой в зубах. Тоби видел, как дымок от неё змеится вверх. Не может быть. Разумеется, нет. Это не мог быть тот же рабочий, которого Тоби видел в Лондоне и Маргите.

– Тоби! – мама стояла рядом с машиной.

Тоби вернулся к ней, они сели обратно.

– Пожалуйста, Тоби, больше так не делай.

– Я хотел посмотреть, где мы. Энджел-лейн. Включи аварийку, мам, здесь нельзя останавливаться.

– Я думала, ты хочешь сбежать.

– Мам, мне тринадцать, куда я побегу? У тебя есть карта?

– Я... эм... э-э-э...

– Ты клала её в сумку.

Она покопалась в сумке и нашла карту, но, кажется, не смогла прочитать. Тоби взял её и взгляделся:

– Окей, нам сюда.

Рядом кто-то истошно сигналил. Мама смотрела в никуда.

– Мама!

Её подбородок задрожал, и Тоби понял, что мама вот-вот заплачет.

– Всё в порядке, мам, – сказал он тихо. – Мы почти приехали. Ты нас довезла.

Мама, казалось, не сразу поняла смысл слов Тоби. Она всхлипнула. Тоби взял её за руку. Под мамиными глазами он

заметил зеленовато-синие круги.

– Ты нас довезла, – мягко повторил Тоби.

Она точно была готова заплакать.

– Мам, не плачь! Не сейчас! Мы почти приехали.

Мама улыбнулась, достала из сумки промокшие салфетки и высморкалась. Когда они проезжали Энджел-лейн, Тоби смотрел туда и думал, что либо для дорожных работ нанимают старых седых курильщиков, либо творится что-то странное.

* * *

Пока Тоби и мама вдвоём затаскивали большой ящик по лестнице в свою новую квартиру, тень выскользнула из багажника. Вскоре Альфред тоже выпрыгнул и отправился за тенью, которая скрылась за мусорными контейнерами.

В новой квартире стояла полутьма. Свет в коридоре не работал, у ламп не было абажуров, и светили они тускло. Даже безжалостно палящее солнце не могло развеять этот сумрак. Мебель горчичного цвета и коричневые ковры только добавляли мрачности. Воздух здесь был затхлым, а на кухне стоял тяжёлый дух плесени.

Комната Тоби оказалась в дальнем конце квартиры. На полу лежал жёсткий зелёный ковёр, на подоконнике валялась дохлая муха, на окне висели кофейного цвета занавески. Всё выглядело совершенно безрадостно. Тоби взял с со-

бой только часть вещей, потому что знал, что ещё вернётся в старый дом до того, как его продадут (ему по-прежнему казалось, что продажа дома – просто нелепая выдумка). Пока что с ним было только самое необходимое. Но теперь, оказавшись в пустой комнате с коричневыми занавесками и зелёным ковром, он жалел, что не взял с собой всё. Особенно Альфреда. В конце концов, кот проводил с Тоби не меньше времени, чем с миссис Пападопулос.

Тоби осмотрел сад, полный сухой травы и засохших кустов. Его окружали одинаковые здания, различавшиеся только оранжереями, от которых отражался слепящий солнечный свет. С соседской крыши взмыла стая чаек. Они пронзительно вопили. И в этом вопле было что-то настолько тоскливое, что Тоби захотелось позвонить папе и сказать, что он не может здесь жить.

Чайки не унимались. Напротив, теперь они начали нырять вниз и взмывать обратно, громко хлопая крыльями. Они кружили над одной птицей из их стаи, напали на неё. Тоби смотрел, как жертва закрывается от обидчиков чёрными крыльями. Станный цвет для чайки. Внезапно птицы разлетелись в стороны, как осколки от взрыва. Некоторые неслись напрямиком к окну Тоби.

Когда чайки с воплем разлетелись, теряя перья, Тоби увидел, на кого они напали. Оно несло прямо на него. Это была не птица, а тень, тьма, паточная чернота. Она была отдалённо похожа на человека, раскинувшего руки и летящего со

скоростью ракеты. Она целилась в Тоби. Он бросился на пол.

Зелёный ковёр в сантиметре от носа. Он ждал удара, сжав зубы. Напрягся всем телом.

Ничего.

Через несколько секунд Тоби разжал челюсти и расслабился. Встал. Перед глазами только сады и оранжереи с одинаковыми зданиями. Никакой тени.

* * *

Тоби сидел на кровати, прижавшись спиной к стене, переводя глаза с окна на дверь, с двери на окно. Иногда он отвлекался на телефон. Нужный номер он нашёл не сразу – так он был напуган.

– Папа, – сказал Тоби, как только отец снял трубку. И продолжил, не дожидаясь ответа: – Можно я вернусь домой?

Раздался треск, похожий на шорох сминаемой бумаги.

– Папа?

Отец вздохнул и ответил непререкаемым, снисходительным, саркастичным тоном:

– Нет, Тоби.

– Я видел... Мне нужно вернуться домой.

– Нет, не нужно. Тебе так только кажется.

– Но я... Пожалуйста, папа, здесь очень странно.

– Везде странно, Тоби. Мир вообще странный.

– Я ненавижу этот дом. Ненавижу.

– Ты только приехал. Поговорим об этом, когда ты приедешь погостить, ладно?

– Но это только через две недели!

– Тобс, мне нужно закончить эту речь, так что поговорим позже, ладно?

– О чём она? – выпалил Тоби. – Может, я смогу помочь. За окном не было видно ни чаек, ни летающих теней.

– До скорого, Тобс. Не волнуйся.

Папа повесил трубку. Тоби прокрался к двери и прислушался. А потом собрался с духом и распахнул её. И проверил каждую комнату. Пусто.

Он очень обрадовался, когда вернулась мама. Разогрел консервированные спагетти и сделал тосты, а мама порезала салат. Тоби спросил её, как прошёл день. А потом они сидели вместе: мама, выжатая, как лимон, и Тоби, высматривающий тень.

* * *

Тоби проснулся. Он опять видел мерзкий сон про замок с чёрными стенами.

Небо было абсолютно чистым, лужайки казались ещё суше, чем вчера. Резко и как будто даже зло он оделся. Непонятно, как тень могла проследовать за ним. Непонятно, как она могла существовать, но он верил собственным глазам. Мама упаковала ему ланч: сэндвичи с сыром, пакетик жарен-

ной картошки, яблоко и коробочку сока. Тоби засунул тонкую куртку в рюкзак, убедился, что не забыл телефон, и решил, что готов к выходу.

Это был первый день в новой школе, поэтому мама проводила его. Подъезжая, они увидели море бордовых свитеров, втягивающееся в ворота. У них не было времени купить Тоби новую форму, поэтому он надел чёрный свитер и галстук, которые носил в предыдущей школе. Чувствуя себя неловко из-за неправильной одежды и заранее боясь того, с чем ему придётся столкнуться, он сполз по сиденью. Мама нашла свободное парковочное место. От школы отъезжали автобусы.

– Ты справишься, – сказала мама.

– Я хочу домой, – Тоби поднял рюкзак, но из машины выходить не хотел.

– В чём дело? – мама заглушила двигатель. – Что случилось?

– Почему ты его не любишь? Почему вы разводитесь?

– Давай поговорим об этом потом, дорогой. Тебе нужно в школу, а мне на работу.

– Но это нечестно.

– Я знаю, – печально сказала мама.

– Ну почему тогда?

– Я не могу больше.

– Почему?

– Просто не могу.

– Что это за ответ? Если я так отвечу в школе, мне поставят ноль. Ты специально ведёшь себя глупо?

– Тоби, не разговаривай со мной таким тоном.

– Но почему ты решила уехать и развестись с папой?

– Я больше не люблю твоего папу.

– Почему?

– Нипочему. Иногда что-то просто случается.

– У всего есть причины. Всегда.

Мама тяжело вздохнула.

– Это сложно.

– Нет. Ничего сложного. Всё просто. Расскажи. Ты просто не хочешь рассказывать.

– Он изменился.

– Как изменился?

– Ох, Тоби, я не знаю.

– Нет, знаешь.

– Ох, ладно. Наверное... Когда я его встретила, он был... У него были идеалы. Он был оптимистом. Но он разочаровался в жизни. Он стал очень... озлобленным. И наши отношения не выдержали.

– Это всё из-за его дурацкого романа про Бальтазар, да?

– Он здесь совершенно ни...

– Он из-за него озлобился, да? Потому что не может его закончить. Миссис Пападопулос так считает.

– Я думаю, это только одна из причин его озлобленности. И её симптом.

– Мы можем помочь ему закончить роман, – настаивал Тоби.

Он уже не слышал маму и представлял, как они сидят рядом с папой, пока он дописывает свою книгу. Совсем как мама сидела рядом с Тоби, когда он делал домашнюю работу.

– Это так не работает, Тоби.

– А как это работает?

Она покачала головой.

– Как это работает? – повторил Тоби.

Проходивший мимо школьник задел боковое зеркало.

– Тоби, ты опоздаешь.

– Ты не хочешь рассказывать.

– Моя жизнь с твоим отцом кончена.

– Почему меня не спросили?

– Потому что у тебя здесь нет права голоса. Извини.

– Но это неправильно. Нечестно. Я не хотел уезжать из дома. Я не хотел переезжать сюда. Это ты виновата.

– Никто не виноват.

– Нет, кто-то виноват. Ты виновата. Какая разница, что ты сюда переехала? Тебя посадят в тюрьму за этот дурацкий протест, и что тогда будет со мной?

– Меня не посадят в тюрьму.

– Посадят!

– Нет, не посадят. Я тебе говорила. Мой адвокат сказал, меня оштрафуют или пошлют на общественные работы.

– Я хочу домой, – заныл Тоби. – Я хочу обратно на Ар-

нольд-стрит. К Альфреду, папе, миссис Пападопулос, саду и моей комнате.

– Мне жаль, Тоби, – мама протянула руку, чтобы погладить его по голове.

Он резко отмахнулась.

– Ох, – мама убрала ладонь.

– Это твоя вина, всё это из-за тебя!

Только сказав это, он заметил ярко-алый след от своих ногтей на её правой кисти.

– Мам, – выдохнул Тоби и потянулся к её руке.

Мама остановила его и отодвинулась. Она сердито хмурилась, сжав губы.

Ужаснувшись тому, что он натворил, и испугавшись маминой реакции, Тоби выскочил из машины, захлопнул дверь и на дрожащих ногах пошёл в новую школу. Минуту спустя мама уехала.

Чуть позднее к воротам школы приползла тень. А вскоре за ней – Альфред. Они вместе ждали, когда кончатся уроки.

* * *

После уроков Тоби старательно избегал толпы, стекавшейся к автобусной остановке. Ему больше ни секунды не хотелось находиться среди незнакомцев. Прикинув, что сможет вспомнить дорогу до новой квартиры, он решил пойти пешком. Только не заметил, что за ним последовала тень, а

за ней – Альфред. Они втроём шли по улицам нового для них города, пока Тоби не остановился, поняв, что заблудился. Солнце палило, возвращаться в новую квартиру после утренней ссоры с мамой не хотелось. Наконец, Тоби нашёл знакомую улицу. Энджел-лейн.

С одной стороны она была отгорожена проволочным забором, с другой лежал поросший травой пустырь. Дорожный знак сообщал: «Закрито на благоустройство». В конце улицы, за красно-белыми ограждениями, которые выставили рабочие, виднелся ещё один проволочный забор. За ним был спуск – кажется, к железной дороге. Тоби видел протянутые над ней кабели и платформу на другой стороне. Рабочее время у строителей кончилось, и Тоби подумал, не залезть ли в траншею, которую они вырыли, но решил вернуться домой поскорее, чтобы мама не волновалась. Было очень жарко, поэтому он снял свой свитер и завязал его на поясе. Если бы Тоби прошёл по главной дороге чуть дальше и не заметил краем глаза кого-то белого и пушистого, ничего бы не случилось. Но он повернулся и увидел толстого белого кота, который бежал рысью напрямиком к траншее.

– Альфред?

Кот не ответил. Он сосредоточенно преследовал тень, которая уже нырнула в раскоп. Альфред встал на краю и посмотрел вниз.

– Альфред! – позвал Тоби и быстрым шагом двинулся за котом.

Кот прыгнул в яму. Тоби побежал. Он не понимал, как здесь оказался Альфред, но был уверен, что это именно он.

Тоби встал за ограждением и осмотрел траншею. Она была похожа на вход в туннель.

– Альфред! – крикнул Тоби, опускаясь на четвереньки и вглядываясь в темноту.

Он не видел конца туннеля, но был уверен, что это близко: через полтора десятка шагов Энджел-лейн упиралась в забор из сетки, а за забором крутой склон резко спускался к железной дороге. Значит, думал Тоби, туннель должен там и закончиться. То есть его длина не больше пяти или шести метров.

На Энджел-лейн было пусто и тихо. Тоби нырнул под ограждение и прыгнул в канаву. Присев, он смог разглядеть часть туннеля, но не увидел конца.

– Альфред?

Тоби заполз внутрь. Земля под руками была сухой и зернистой.

– Альфред!

Стены туннеля поглотили его голос. Тоби вдруг подумал, что зря залез сюда. А если он застрянет? Если туннель обвалится? Никто не знает, что он здесь. И здесь можно остаться навсегда.

Дальше стало совсем темно. Уже скоро должен был показаться выход на склон. Но туннель продолжался и продолжался. Тёплый, почти горячий воздух подул в лицо. Под ру-

кой Тоби ощутил грязь. Странно. Наверное, канаву вырыли чтобы починить лопнувшую трубу. Может быть, стоит развернуться, чтобы не запачкать форму, но мысль о том, что Альфред может быть в беде, не давала ему отступить. Запахло древесным дымом. Дым попал в горло, Тоби закашлялся. Потом из темноты раздался рёв.

– Альфред! – позвал Тоби.

Тоби вслушался в эхо и обрадовался: судя по тому, как оно звучало, выход был уже близко. Но почему-то он всё ещё не видел света в конце туннеля.

Рёв становился громче, к нему добавился треск. Тоби решил, что это звуки приближающегося поезда, который вот-вот выползет на склон. Потом его лица коснулось нечто горячее. Он отмахнулся. Рёв и треск продолжались. Это точно был не поезд. Потом добавился новый звук, похожий на стук дождя. Но это не мог быть дождь: на небе же ни облачка. Наверное, звук издавала вода из лопнувшей трубы. Внезапно по туннелю навстречу Тоби проплыл горящий чёрный лист в оторочке оранжевого света, упал ему на голову и зашипел. Запахло палёным, и Тоби пришлось похлопать себя по голове, чтобы не загореться. Тоби знал, что должен развернуться, он хотел это сделать. Но он был нужен Альфреду, а поэтому полз дальше, чтобы поскорее уже закончить эту спасательную операцию. И вот, наконец, он выполз из туннеля.

Тоби оказался совсем не там, где должен был. Да, он стоял на склоне, но не том, что спускался к железной дороге. И

вокруг была ночь, дожд ливая и жаркая. Жар не такой, как бывает летом, а как будто он залез в печку. А ещё дул ветер и везде виднелся дым. Тоби стоял на крутом горном склоне, поросшем лесом. Это было совершенно невозможно. Но всё же это было так. Все органы чувств это подтверждали. Но самое худшее – это то, что лес горел. Стена огня вздымалась выше деревьев. Ни справа, ни слева не было видно её краёв. Рёв и треск, которые мальчик услышал в туннеле, издавал горящий лес. Тоби был уже не на Энджел-лейн, а посреди лесного пожара.

4. Сезон пожаров

Пламя рвалось в ночное небо. На его фоне ближайšie к Тоби деревья выглядели чёрными силуэтами. Выше, чем деревья или стена огня, вздымались столпы серого и чёрного дыма, уходящие в самое небо. Небо над горами было бледно-красным. Стоял ужасный шум: рёв ветра и пламени смешивался с треском веток. Иногда деревья вспыхивали целиком: даже самые большие и старые дубы и буки, должно быть, столетние, сгорали в один момент. К шуму добавлялись частые глухие удары падающих стволов и хруст ломающихся ветвей. Дождь хлестал по этому огненному аду.

Тоби вскинул руку, чтобы защитить лицо от ужасного жара, но толку от этого не было: пропитанный жаром воздух жёг его кожу и врывался в лёгкие. Ветер был такой сильный, что Тоби пришлось широко расставить ноги и пригнуться, чтобы удержаться на ногах. Он толкал мальчика, точно хулиган на детской площадке, постоянно меняя направление и дующий со всех сторон одновременно. А в довершение ко всему Тоби чувствовал, как кто-то его жалит. Сначала ему казалось, будто это впивались в него острые капли дождя, который хлестал, не переставая и не испаряясь от пожара. Но вскоре он заметил: искры. Они кружили, точно осы, и осыпали его шею, руки, лицо своими жалами.

Вся земля была чёрной, там и тут пылали трава и опавшие ветки, которые напоминали прожилки на плитах мрамора. Среди этого пылающего хаоса Тоби пытался отыскать своего друга, но безуспешно.

– Альфред! – кричал он. – Альфред!

Без толку: он не мог перекричать пламя и ветер. Нужно было бежать назад в туннель, и он бы, наверное, это сделал, но тут увидел Альфреда. Кот беспечно спускался по склону.

– Альфред!

Тоби побежал за котом, перепрыгивая горящие ветки.

– Альфред, вернись, идиотина!

Искры, словно стаи диких пчёл, вонзались в белую школьную рубашку и жалили кожу. Тоби присел посреди дымящейся грязи, открыл рюкзак, вынул куртку и закутался в неё.

Альфред стремительно удалялся. Он бежал в своей привычной манере, будто пылающий лес его ни капли не волновал, или вообще был незаметен.

Кот скрылся в облаке дыма. Тоби нырнул за ним. Огненная стена осталась за спиной. Дым жёг лёгкие, Тоби закашлялся и остановился, снял с пояса школьный джемпер и повязал на лицо, как маску. И побежал дальше. Облако дыма немного развялось, и Тоби снова увидел Альфреда. Кот крался по небольшой лощине, как будто готовясь напасть. Тоби не стал звать его, а подбежал и напрыгнул, но промахнулся. Альфред выскочил из лощины и скрылся из вида. Наконец Тоби удалось догнать кота и сгрести его в охапку. Но склон был таким крутым, что мальчик не смог остановиться.

У подножия он заметил три человеческих фигуры, позади которых зиял обрыв, откуда, точно пар из котла, валил коричнево-оранжевый дым. Трое стояли на самом краю обрыва.

– Помогите! – крикнул Тоби, понимая, что не успеет остановиться.

Он запутался в собственных ногах, пытаясь затормозить, и упал, глухо ударившись об землю, всё ещё прижимая к себе Альфреда. В нескольких дюймах от своего носа он увидел кожаные ботинки с набойками и полы длинного кожаного пальто. Всего в ярде за этими ботинками виднелось бескрайнее море дыма. Тоби кое-как встал на колени и, скользя по грязи, но не желая выпускать из рук Альфреда, поднялся

на ноги. Кот съёжился.

Кожаное пальто плотно обтягивало талию. Ворот у самого горла был заколот круглой металлической брошью с эмблемой-лебедем. Человек в пальто оказался высоким, сухопарым и очень бледным. В глазах его не было жизни, тонкие губы крепко стиснуты, чёрные с проседью волосы, зачёсанные назад и мокрые от дождя, открывали высокий лоб.

Справа от этого человека, на самом краю обрыва, стоял подросток с пышными курчавыми волосами, в которых блестяли капельки дождя. На вид лет шестнадцати – не намного старше Тоби. Рубашка плотно облепила грудь подростка, выгнутую колесом оттого, что третий человек – лысый, в длинной накидке с капюшоном – держал его руки за спиной. На вороте накидки тоже красовалась брошь с лебедем.

В миндалевидных глазах подростка Тоби увидел знакомое выражение: у него бывал такой же взгляд, когда в школьной раздевалке старшеклассники смеялись над его явно неспортивным телосложением. Парень умоляюще посмотрел на Тоби и одними губами произнёс: «Помоги».

Тоби взглянул на него, потом на высокого человека с жестоким ртом. В мёртвых глазах что-то блеснуло, человек отвернулся, взметнув полы плаща, подошёл к пленнику и ударил его в живот. Лицо парня исказилось от боли, взгляд затуманился, но он продолжал смотреть на Тоби. Высокий человек в плаще повернулся, сверкнув глазами.

– Мне нужно попасть домой, – Тоби попятился, сжав Аль-

фреда крепче. – Моя мама будет волноваться.

Подросток осел в руках лысого, который отошёл в сторону и, ослабив хватку, легко выпустил парня из рук, будто стакан воды. Тот полетел напрямик в пропасть.

Тоби смотрел туда, где только что стоял парень. Но там уже зияла пустота. Он переводил взгляд то на лысого, то на высокого с жестоким ртом и сверкающими глазами. Высокий что-то сжимал в руке, в той, которой ударил мальчика. Это был нож, на котором темнела кровь. Он ударил мальчика не кулаком, а ножом. Тоби развернулся, чтобы бежать. На его плечо опустилась рука, и он чуть не рухнул под её весом. Тоби пытался вырваться, но чьи-то пальцы крепко впились ему под ключицу. Кости едва не крошились под этой хваткой. Мелькнула ещё одна рука, и на горло Тоби надавил влажный палец. Тоби вцепился в Альфреда. Альфред мяукал и пытался вырваться. Краешком глаза Тоби увидел, как что-то блеснуло: окровавленный кончик ножа.

– Я перережу твою глупую маленькую глотку, – сказал кто-то у него над ухом.

Полы кожаного плаща, развеваемые горячим ветром, хлопали по бокам Тоби. Палец пополз по его горлу, он знал, что за пальцем последует нож. Его горло будет перерезано, и кровь вытечет быстрее, чем молоко из пакета в тарелку с хлопьями на завтрак.

Тоби бросил взгляд на задымлённый склон. Ему казалось, будто оттуда на него смотрит налитыми кровью глазами дым-

чатое животное. Оно мчалось прямо на него. Он даже смог его разглядеть: тень. В этот раз она не остановилась, как перед окном на Арнольд-стрит, и не свернула в сторону, как перед окном новой квартиры. Она неслась, движимая почти осязаемой ненавистью. Она прыгнула. Прошла прямо через Тоби. Точнее, задела его макушку, бросаясь на человека с ножом.

Когда тень коснулась Тоби, боль взорвалась у него в голове и пронзила спину. Он задёргался, пытаясь выгнать её из тела. Боль наполняла всё тело: сердце, лёгкие, почки, мочевой пузырь. Из Тоби вырвался крик, который мог бы заглушить пожарную сирену. И тут он потерял сознание.

Очнулся Тоби в грязи. Перед ним сидел встревоженный Альфред. Высокий сухопарый человек стоял на коленях, уставившись куда-то невидящим взором. Бледный до абсолютной белизны. Вдруг его вырвало. А потом он упал в лужу собственной рвоты. Лысый мужчина ковылял вдоль обрыва. На глазах у Тоби он занёс над пропастью левую ногу, расправил руки – и пропал, скрывшись в море дыма.

Тоби поднялся на ноги и открыл рюкзак. Альфред, будто бы поняв, наконец, насколько здесь опасно, запрыгнул внутрь. И Тоби побежал.

Бежать вверх по грязному склону было тяжело. Он несколько раз упал. Добравшись до лощины, он нырнул в клубы коричневого дыма. Каждый вдох обжигал лёгкие. Он кашлял, давясь дымом, но останавливаться нельзя, иначе

можно задохнуться. Наконец, он выбежал из этого облака. Огонь не утихал, вместо этого он уже полз по склону, пожирая лес. Даже если бы Тоби смог найти туннель – а он не был уверен, что сможет, – ему пришлось бы преодолеть эту огненную стену, что, конечно, невозможно. Тоби поспешил прочь. Не обратно к убийце с ножом, а вдоль по склону.

Мимо пронёсся силуэт, тёмное пятно. Глянув ему вслед, Тоби понял, что это мчит большими прыжками испуганный олень, будто огонь гонится за ним. Тоби побежал быстрее. Прямо за спиной щёлкали и трещали вспыхивающие деревья. Мимо пронеслось ещё несколько оленей, у всех в широко раскрытых глазах читался ужас. Вниз по склону быстро семенил ёж, его иголки были объяты огнём. Лес погибал на глазах. Отбросив страх наткнуться на убийцу с ножом, Тоби рванул вниз по склону.

Тринадцатилетний мальчик не мог тягаться в скорости с лесным пожаром. Огонь куда быстрее. Разбрасывает длинные пылающие щупальца по влажной земле, плюётся искрами, стараясь дотянуться до всех, кто бежит от него по склону, – включая Тоби, который уже чует запах горелых подошв, хлопает себя по обожжённым волосам. Внезапно потянуло горящим пластиком, спину обожгло. Тоби обернулся и увидел, что его куртка горит. Он сорвал её на бегу.

Тогда рядом с ним появилась тень. Тоби бросился прочь от неё. Он всё ещё бежал вниз, но по другой траектории. Тень больше не была похожа на животное: теперь она сно-

ва напоминала человеческий силуэт, сотканный из тьмы. Едва Тоби начал её обгонять, как тень снова изменила форму. Теперь она бежала на четырёх лапах и выглядела, как большая чёрная собака. Топот её лап заглушал даже рёв пламени. Немного в стороне были кусты. Тоби снова сменил направление и метнулся к ним. Услышав за спиной рёв, – он не был уверен, рёв ветра, пламени или тени – Тоби помчался быстрее, прорываясь через подлесок, и влетел в пустоту.

Он какое-то время падал, ветки хлестали его по лицу. Иголки кололи глаза, ели лупили его ветвями, но замедляли его падение. Тоби упал на землю, весь воздух вырвался из его лёгких с громким «уф-ф-ф».

Снова придя в чувства, Тоби сообразил, что потерял сознание совсем ненадолго: бледные оранжевые отсветы наверху освещали ещё качающиеся ветки, через которые он падал. Он лежал на подстилке из еловых иголок у подножия скалы, его рюкзак пытался уползти прочь. Тоби схватил его за ляжку. Рюкзак мякнул.

Какое-то время Тоби просто лежал на спине, глядя в небо через качающиеся ветки. Искры падали со скалы, но в основном застревали в ветвях. Тоби видел край огненной стены на вершине скалы. Вскоре от искр занялись лапы ели. Нужно было бежать. Срочно.

Хвала небесам, тени здесь не было.

Тоби перекатился на бок. Всё тело болело. Он поднялся на ноги. В тусклом свете он осмотрел Альфреда: кот был весь

в грязи, но в остальном выглядел нормально. Тоби застегнул рюкзак – не до конца, чтобы Альфреду было, чем дышать – и повесил его на грудь, чтобы следить, не вылез ли тот из рюкзака. Затем вытащил телефон. Сети не было, даже часы сбросились, так что Тоби не мог понять, сколько сейчас времени. Он проверил себя на предмет травм. В его рубашке было прожжено столько дыр, что она уже напоминала сетку, брюки порвались, а подошвы оплавившись настолько, что еловые иголки забились в носки. Куртку пришлось выкинуть. По всему телу у Тоби были порезы от веток и ожоги от искр, волосы подгорели, в лёгких саднило. Он вытащил из рюкзака термос и попил. Ему хотелось выпить всю воду, но он налил немного в крышку и протянул коту. Альфред отказался, но Тоби держал воду перед его носом, и в конце концов кот соизволил немного попить. Отдых был закончен. Тоби поспешил вниз по склону.

5. Виджен

Тоби нужно было сбежать от пожара и убийцы с ножом. И, как будто этого недостаточно, тень, которая была причиной всех его бед, преследовала его и здесь. Он был уверен, что если пойдёт вниз, то рано или поздно выйдет из леса. К фонарям, домам, людям. Глубоко в душе он понимал, что оказался в другом мире, но отказывался признавать этот факт. Он не проходил в тоннель между мирами; ради всего святого, это вам не «Лев, Колдунья и платяной шкаф». Или так Тоби себе говорил. Всему есть объяснение. Если чему-то нет объяснения – это что-то просто ещё не удалось понять. Гор-

ный лес в новом городе объяснить было не трудно: это просто большой парк. Резко наступившую ночь тоже можно было объяснить: на самом деле, это не ночь, просто облака дыма закрыли солнце. А вот тот факт, что туннель привёл его в парк, а не к железной дороге, Тоби объяснить не мог, хоть и был уверен, что сможет, если хорошенько подумает.

Но была одна вещь, которой Тоби не смог найти объяснения и знал, что никогда не найдёт: тень. Он видел её на Арнольд-стрит, в новой квартире, а теперь коснулся её. Точнее, она коснулась его. На кратчайшее мгновение она вошла в него, и он почувствовал её ненависть и... что-то ещё.

Тоби выгнал на задворки сознания всё, что не мог объяснить. Необъяснимое от этого не пропало, оно продолжило рыскать где-то внутри, от чего Тоби было ощутимо некомфортно.

Он вышел в ту часть леса, где огонь уже прошёл. Дождь прекратился, небо светилось жутким оранжевым светом, брезжили первые лучи утреннего солнца. Под ногами хлюпала мокрая грязь. Она была такой горячей, что всю землю устилал пар. В утреннем тумане проступали силуэты. Не люди – деревья. Обугленные, мёртвые. Они тянули кривые ветви, как раненые, умоляющие о помощи. Через какие-то из них он перешагивал и ощущал, будто идёт по огромному полю боя. Воздух пах сгоревшим деревом и чем-то ещё. Тоби не был уверен, чем именно. Альфред, кажется, тоже это учуял и начал мяукать. Вдруг Тоби увидел что-то обугленное,

неподвижно лежащее на земле. И тогда он понял, чем пахло. Жареным мясом.

В лесу было тихо. Не шуршали листья, не скрипели ветки. Птицы не пели: они были мертвы. Тоби то и дело натыкался на маленькие почерневшие тела, одни размером с кулак, другие с кошку. Птицы, которые не успели улететь или задохнулись дымом. Светало, и Тоби стал замечать всё больше тел: барсуки, лисы, зайцы, даже целое стадо оленей, среди них самцы с роскошными рогами. Найдя тело странного существа с шестью лапами, Тоби решил, что это, наверное, просто два животных, которые умерли вместе. Альфред бесновался в недрах рюкзака, и Тоби пытался его успокоить, бормоча: «Всё хорошо, всё хорошо, ты в безопасности». Но всё было не хорошо, и Тоби не был в безопасности, и Альфред тоже.

Светало всё быстрее, и не потому, что дым развеивался, а потому, что кроваво-оранжевое солнце поднялось над горой. Оно ползло всё выше, а Тоби спускался всё ниже. Но сейчас не могло быть утро: это бы значило, что Тоби провёл в лесу день, вечер и ночь. А по ощущениям не прошло и часа. Может быть, он потерял сознание на больше времени, чем думал.

Если уже утро, то мама наверняка страшно волновалась, а он не мог ей позвонить. Связи всё ещё не было.

За обгоревшими останками леса вдалеке показалось что-то живое – трава. Тоби побежал. Чем ближе к траве, тем чище становился воздух, тем слышнее было пение птиц. То-

би вышел из стореvшего леса на большой покрытый травой горный луг. Между клубами дыма виднелось голубое небо. Ещё никогда Тоби не радовался небу и свежему воздуху. Он просто стоял и дышал полной грудью. Потом снял рюкзак, плюхнулся на землю и вдыхал запах влажной травы.

На лугу журчал ручей, за ним стоял маленький деревянный домик с соломенной крышей, на которой сидели десятки, а то и сотни неистово чирикающих птиц. Перед домом лежала аккуратная лужайка. Чуть в стороне росло коричневое дерево без единого листочка. Его ветви простирались над крышей, как вытянутые пальцы. К широкому стволу крепилось большое колесо – вроде колеса для хомяка, но сделанное из дерева, – часть корней вылезала из-под земли и свешивалась к ручью.

Кто-то завопил.

Птицы взлетели с крыши и понеслись над лугом. Тоби прижался к земле и так и лежал. В крике не было слышно страха или боли. Он доносился из домика. Ничего не двигалось, в окнах было темно. На крыльце стояли растения в горшках, слева за невысоким забором был разбит небольшой огород. Справа возле дерева стояла ручная газонокосилка. Птицы, шумно хлопая крыльями, вернулись на крышу домика и продолжили чирикать. За домом лаяла и завывала собака.

Вдруг что-то неуловимо изменилось. Тоби не понял, что именно. Воздух стал тяжелее, как будто собирался дождь, но

с неба не упало ни капли. Несколько секунд спустя Тоби понял, в чём дело. Точнее, в ком. В тени под деревом стояла девочка. На вид ей было лет шестнадцать. Примерно столько же, сколько мальчику с пышными кучеряшками и миндалевидными глазами. Её руки висели вдоль тела. Неуклюже, неуверенно, как у человека, который впервые вышел на сцену перед большой аудиторией, например, в школе. Но, в отличие от человека на школьной сцене, она смотрела не куда-то вдаль, а прямо на Тоби.

Сердце Тоби подскочило. Девочка его увидела. Он забежал за ближайшее дерево, легко забросив рюкзак на плечо, и в ту же секунду понял, что Альфред сбежал.

– Альфред! – прошипел Тоби, бешено оглядываясь по сторонам.

Альфред уже был на другом берегу ручья.

– Альфред! – Тоби вышел на край луга. – Глупый ты кот!

Девочка присела и погладила Альфреда, тот благодарно мяукнул. Она подняла кота. Тоби наблюдал, как девочка – босоногая, одетая в тёмное рваное платье, – присела на газонкосилку. Она гладила Альфреда и смотрела на Тоби так, будто ей не терпелось узнать, что он сделает дальше. А кот закрыл глаза и довольно урчал, как лодочный мотор.

Тоби не знал, что делать. Девочка выглядела странно, как призрак – может быть, из-за тени и странного света. Но она не казалась опасной. Наверняка она не может заставить другого человека кричать от ужаса. В её взгляде не было злобы

или насмешки. К тому же Альфред её не боялся. А уж кто разбирался в людях – так это Альфред. Что бы ни значил вопль, спугнувший птиц, Тоби не думал, что девочки стоит опасаться. Он подошёл к берегу ручья.

– Отдай моего кота, – крикнул Тоби и закашлялся: его лёгкие и горло всё ещё болели от дыма.

От кашля на глаза его навернулись слёзы. Через некоторое время он снова смог дышать. Девочка поставила Альфреда на землю. Кот просто сидел и принюхивался.

– У тебя есть телефон? – прохрипел Тоби. – Мне нужно позвонить в полицию.

Девочка непонимающе смотрела на него.

– Я должен вернуться домой.

Тоби спустился к ручью, перепрыгнул на другую сторону и, чуть не упав назад и вцепившись в траву, поднялся на берег.

– Слушай, – сказал он, – мне нужен твой...

Девочка испарилась, как будто её и не было. Тоби подошёл к Альфреду.

– Нам нужно возвращаться домой, глупый ты кот.

Альфред с урчанием запрыгнул в открытый рюкзак.

Дерево было покрыто заклёпками. Тоби прикоснулся к стволу, будто сделанному из металла. Тоби стукнул по нему. Раздался глухой низкий звон.

Тоби подошёл к крыльцу. Замявшись на секунду, он заглянул в окно. Девочки там не было, но на столе стояла та-

релка с хлебом и наполовину полной кружкой. В комнате виднелась дверь, за которой скрывалось ещё одно помещение, и там кто-то громко топал. Тоби постучал. Топот прекратился, повисла тишина. На крыше чирикали птицы.

– Здравствуйте! – крикнул Тоби. – Мне очень нужно воспользоваться вашим телефоном. Это очень срочно!

Внутри загремели шаги. Тоби отступил назад, чтобы его не ударила открывающаяся дверь. Над ней – он только сейчас это заметил – был герб: белый лебедь в ошейнике с золотой цепью.

Ноги стали как будто ватные, в ушах застучало.

Дверь открылась. За ней стоял крепкий широкий мужчина с кудрявой бородой, которая почти незаметно переходила в волосы на груди. На нём был надет когда-то белый фартук, покрытый пятнами крови. Голубые глаза мужчины казались ещё голубее на контрасте с красными пятнами. Он смотрел прямо на Тоби. Тот отшатнулся и упал с крыльца. Мимо мужчины из дома выбежала охотничья собака. Она отрезала все пути к отступлению, залаяла и начала лязгать зубами на рюкзак. Тоби, поняв, что собака учуяла Альфреда, вскочил и поднял рюкзак повыше.

Мужчина что-то прогудел низким басом, но Тоби не слушал: он не сводил глаз с собаки.

– Воск! – прогремел мужчина. – Лежать!

Пёс моментально лёг на землю и заскулил.

Мужчина снова что-то прогремел. Его слова сливались в

одно, и Тоби не сразу смог понять, что от него хотят. Звучал этот грохот примерно как: «Откуда ты взялся?»

– Вообще из Лондона, – Тоби смотрел на пятна на фартуке.

Мужчина прогудел что-то нечленораздельное и сердито вернулся в дом. Тоби хотел тихо уйти, но пёс зарычал, подняв губы и демонстрируя большие клыки. Мужчина вернулся так же резко, как исчез.

– Пей! – он всучил Тоби глиняный кувшин.

Тоби приник к холодной воде, не сводя глаз с мужчины. Как только он опустил кувшин, мужчина в окровавленном фартуке схватил его за подбородок пальцами, тоже заляпанными кровью, повернул лицо к себе вначале одной стороной, потом второй и вернулся в дом. Пёс лежал на земле, прижав уши и не смея шелохнуться. Тоби тоже замер. Вскоре мужчина вернулся, неся в руках небольшой горшочек. Он забрал у Тоби глиняный кувшин, который, несмотря на тяжесть, держал одним пальцем, затем схватил мальчика за плечо и рывком усадил на крыльцо, а сам сел рядом. Его лицо было в нескольких дюймах от лица Тоби, который чувствовал запах мяса в его дыхании, видел грязные зубы и холодные голубые глаза.

Мужчина вытер ладони о траву, полил их водой, чтобы смыть кровь, и просушил чистым углом фартука, а потом схватил руку Тоби и намазал ожог содержимым горшка. Мазь уняла жжение. Мужчина встал и поставил горшок на

крыльцо.

– Остальные ожоги сам. Я занят. К тому же время кормёжки. Тебя покормлю, если что-то останется.

Пёс по кличке Воск встал и зашёл в дом вслед за хозяином.

Заглянув в дверь, Тоби увидел, как хозяин возится на заднем дворе, откуда раздавались вой и лай дюжины собак. Тоби смыл с рук сажу и грязь, достал из рюкзака Альфреда и налил ему воды в крышку от термоса. Альфред начал лакать. Его длинная шерсть была в грязи и саже, кое-где подгорела. Кот больше не был белым, он стал бело-серым.

Тоби помазал свои ожоги на руках и груди, а потом, глядя в отражение в окне, намазал ожоги на лице.

Закончив, он вошёл в дом. Слева от двери стоял стол, на нём – тарелка с недоеденным хлебом. В дальней стене виднелся встроенный кирпичный очаг (всё остальное было сделано из дерева).

Вместо потолка – только балки и соломенная крыша. Справа были натянуты верёвки, на которых сохли рваные одеяла и простыни. Тоби заметил на полу несколько ковров, сделанных под оленью шкуру, но пригляделся и понял, что это и есть оленьи шкуры. И сушились на верёвках тоже не одеяла, а свежие оленьи шкуры. Ему стало не по себе.

Справа на скамье стояли клетки с ежами, хорьками и крысами. К клеткам были приделаны стеклянные банки с сосками, чтобы животным было что пить. В углу Тоби увидел

длинный лук и колчан со стрелами. На крючках около кухни – плащи и куртки, а рядом с ними в ножнах меч с оплетённой кожей рукоятью.

Это был очень странный дом.

Тоби тихо пересёк комнату, стараясь не ступать на оленьи шкуры. В дальнем конце было две двери: одна, запертая, вероятно, вела в спальню, вторая выходила в чистую кухню с котелком на плите. Тоби что-то здесь показалось странным, только он не сразу разобрал, что именно. Через стеклянное окошко в задней двери Тоби видел двор, огородик и огороженное пастбище на лугу. На пастбище паслось стадо оленей, во дворе были загоны для кур и коз и конуры для собак. Во второй с конца конуре ютилось несколько несчастного вида барсуков, а в последней – волк с обожжённой шерстью. Мужчина в фартуке отмывал двор от крови, стгоняя её в водосток.

Собаки ели оленью тушу. Тоби сообразил, что кричал этот самый олень, когда мужчина его заколол. Закончив отмывать двор, мужчина пошёл обратно на кухню.

Тоби поспешно вернулся в главную комнату. Когда несколько минут спустя хозяин вошёл туда, вытирая руки, Тоби был уже около входной двери, готовый бежать. Мужчина вернулся на кухню и вынес оттуда тарелку с мясом, сыром и хлебом и кружку воды. Живот Тоби заурчал.

– Ешь, – скомандовал мужчина.

Тоби не шелохнулся.

– Откуда ты? – спросил мужчина.

– Оттуда, – Тоби показал большим пальцем через плечо. –

Можно воспользоваться вашим телефоном?

– Ты живёшь в лесу? Никто не живёт в лесу, кроме оленей Регента. Я чертовски хорошо за этим слежу.

– Естественно, я живу с другой стороны леса, – резко ответил Тоби. Он решил, что этот мужчина явно умом не блещет. – Можно воспользоваться вашим телефоном?

– Можно воспользоваться вашим телефоном? – повторил мужчина задумчиво, будто пытаясь понять сказанное.

– Вы просто будете сидеть и повторять за мной? – Тоби снисходительно вздохнул, в точности как папа. – Мне нужно воспользоваться вашим телефоном.

Мужчина так резко вскочил, что его стул отъехал назад.

– Да кем ты себя возомнил? – загудел он. – Мечтатель, чтобы так со мной разговаривать? Нет. Маловат. Думаешь, ты лучше меня?

– Я не мечтатель, – пояснил Тоби. – Мой папа говорит, что у меня воображения ни на йоту. Моя мама мечтатель, а я нет. Так папа говорит. Мама говорит, я просто практичный.

– Заносчивый маленький го... Ты можешь проваливать.

– Я хочу вернуться к маме. Туда, – Тоби преувеличенным жестом снова показал на лес. – На другую сторону леса.

– За гору? – мужчина явно был поражён.

– Да, – Тоби покачал головой. Всё-таки мужчина был ужасно глуп. – За гору. Итак, можно воспользоваться вашим

телефоном?

Мужчина уставился на него, разинув рот. Тоби вздохнул. Его собеседник был умственно отсталым. Жил в глуши так долго, что забыл о существовании цивилизации. У мамы была такая подруга. Она два года прожила на дереве.

Тоби аккуратно поставил рюкзак и достал телефон.

– У вас есть вай-фай? Я не могу поймать сеть.

Мужчина уставился на телефон.

– Из-за горы, – добавил Тоби.

– Невозможно, – сказал мужчина.

– Ну, я как-то пришёл, значит, не так уж это и невозможно, да? Если явление произошло, оно не может быть невозможным.

Мужчина что-то проворчал.

– Раз у вас нет вай-фая, как мне добраться до дома? Где ближайший город? Я попробую поймать автобус.

– Автобус, – повторил мужчина. Кажется, он мог только повторять за Тоби.

– Как вас зовут? – спросил Тоби.

– Виджен.

– Ну, Виджен, меня зовут Тоби. Как я могу попасть домой, если не на автобусе? На поезде? Может, на Бристольском Бокските?

– Так всё-таки ты Мечтатель.

– Скажите, как мне попасть домой!

– Ну, точно не пешком. Огонь ещё бушует, – мужчина вы-

глянул в окно, его внимание переключилось на лес. – Худший сезон пожаров на моей памяти.

«Прекрасно», – подумал Тоби. Мама притащила их в город, где каждый год бушуют пожары.

– Мне повезло, – продолжил мужчина, подойдя к окну и глядя на небо. – Ветер задул в другую сторону в последний момент. Если опять подует сюда, тут ещё есть чему гореть, – пробормотал он себе под нос.

Тоби больше не мог держаться: он сел за стол, откусил кусок сыра (вкус у него был странный) и оторвал себе кусок хлеба.

– Пойди к Регенту, – Виджен повернулся к столу. – Я никогда не видел людей из-за гор.

Мужчина подошёл ближе и внимательно уставился на Тоби.

– Ты не похож на шлега. Они бледнее. Может, ты и в самом деле из-за горы.

– Кто такие шлеги?

– Беженцы. Теперь, по крайней мере.

– И как далеко до этого вашего Регента?

– Два дня ходу, я думаю. Он в городе.

– Автобусы туда не ходят?

– Автобусы?

– Ладно, ладно, – Тоби надоело, что Виджен постоянно за ним повторяет.

Ему было жалко дочь Виджена, которая была вынужде-

на жить посреди этого нигде. Должно быть, она настолько не привыкла видеть незнакомцев, что убежала и спряталась. Внезапно до Тоби дошло, что такого странного было в этом доме: нигде не было ни одного электроприбора, ни розетки, ни даже лампочки.

– Мне пора. Моя мама будет волноваться. А можно Альфреду тоже поесть? – Тоби поднял рюкзак, Альфред послушно мяукнул.

Виджен притащил немного сушёной рыбы. Пока Тоби с Альфредом ели, Виджен рассказал, что он лесник, присматривает за дичью Регента, который любит охотиться с друзьями. Похоже, это был не парк и не заповедник, а частная территория какого-то богатого аристократа – видимо, поэтому над дверью Виджена висел герб. Виджен был зрителем этих угодий, и те двое, которые убили мальчика на глазах Тоби, вероятно, тоже работали на Регента. Но Тоби решил, что это ненадолго. Потому, что их посадят. Но он решил ничего не говорить леснику Виджену, который продолжил рассказывать про сезон пожаров. Мало ли, вдруг эти двое – его друзья.

По словам Виджена, пожары здесь бывали ежегодно, но в последнее время они стали страшнее, чем когда-либо раньше. Виджен спасал животных, лечил пострадавших и выпускал обратно в лес, когда пожар унимался. Если, конечно, от леса оставался хотя бы какой-то участок, на котором они могли добыть еду: огромные его массивы полностью уничто-

жались огнём. На восстановление потребуются десятки лет. От пожаров страдали фермы у подножия гор. Шлеги, которые там жили, стали погорельцами. Кое-кто из них начал охотиться на дичь в лесу Регента, а это было незаконно.

– За браконьерство положена казнь, – прогремел Виджен. – Так что тебе повезло, что я не принял тебя за шлега и не отрубил тебе голову.

– Нельзя просто рубить людям головы, – сказал Тоби.

– Таков закон! – Виджен хлопнул ладонью по столу.

– Нет, не таков.

Виджен встал, его лицо было ещё суровее. Тоби решил, что не стоит лишний раз спорить с лесником, поэтому быстро сказал:

– Ну, я всё равно ни на кого не охотился.

Это вполне удовлетворило Виджена, хоть и не уняло его гнев. Лесник пошёл собирать для Тоби еду в дорогу.

Тоби прикончил сыр (который оказался козьим), а с ним восхитительную телятину и свинину, которыми его угостил Виджен. Он старался не задумываться о том, откуда это всё взялось, потому что от этих мыслей ему становилось не по себе. Он пересел в одиноко стоявшее у камина кресло. Ноги болели, поэтому Тоби аккуратно снял обувь и растёр ступни. Он не был уверен, что сможет идти целых два дня. Но по пути к городу наверняка найдётся ферма, или где-нибудь на равнине появится наконец связь. Тогда он сможет позвонить в полицию и маме с папой, и всё наладится. Тоби откинулся

на спинку кресла. Как только Виджен упакует его обед, надо будет идти.

* * *

Тоби проснулся. Он всё ещё сидел в кресле, но на его колени была накинута оленья шкура. В глаза светил жёлтый свет, из-за которого он и проснулся. Оказалось, это солнце отражается в полуоткрытой двери кухни. Похоже, оно клонится к закату. Тоби протёр глаза и зевнул. Видимо, он проспал весь день. Откуда-то доносились деревянный скрип и скрежет какого-то механизма, дождь шелестел по соломенной крыше. Тоби не обнаружил своей обуви там, где её оставил. Ботинки стояли рядом с рюкзаком. На них были новые кожаные подошвы, только что пришитые. Рядом лежали чистые шерстяные носки и шерстяной же свитер, который Тоби тут же надел. Свитер оказался ему ужасно велик. Он явно принадлежал леснику Виджену. Тоби натянул и зашнуровал ботинки. В его рюкзаке было полно еды, а кроме термоса он нашёл там глиняную бутылку с пробкой. Снаружи к рюкзаку был привязан кожаный свёрток: видимо, одеяло или коврик. У открытой входной двери сидел Альфред.

– Привет, Альфред, – зевнул Тоби и почесал кота.

Альфред выглядел иначе. Чище. Виджен его отмыл. А также постриг и кое-где сбрил длинную шерсть Альфреда, чтобы дотянуться до ожогов, которые намазал мазью. Теперь

Альфред состоял из клочков шерсти и кожи.

– Неплохо так нам досталось, Альфред, – сказал Тоби.

Альфред глянул на него, будто бы соглашаясь. Внезапно Тоби снова увидел жёлтый свет. Это был не закат, он не проспал весь день. Это был лесной пожар. Видимо, ветер снова сменил направление. Огонь вернулся, и теперь полз по горе к домику лесника.

Виджен стоял у ржавого дерева. В колесе – в том самом, как для хомяка – бежали собаки, которых он погонял. И чем быстрее они мчались, тем быстрее крутилось колесо. И тем быстрее работал насос, запрятанный в металлический ствол. Из сотен маленьких отверстий в металлических ветвях, простёршихся над крышей, брызгала вода – всё сильнее и всё дальше

– Ступай, – пробасил Виджен, глядя на Тоби.

Тоби смотрел, как с горы скатывается настоящая огненная лавина.

– Ступай, Тоби!

Тоби стоял, не зная, бежать или помогать. Он бросился на кухню и нашёл там ведро.

– Нет! – проревел Виджен, когда Тоби начал наполнять ведро в ручье. Его голос звучал так сердито, что Тоби уже приготовился получить оплеуху. – Иди в город, к Регенту.

Тоби посмотрел на приближающийся огонь, потом на Виджена.

– Ступай! – пробасил лесник. – Ступай в город, к Регенту.

Он поможет тебе попасть домой.

Тоби схватил рюкзак и побежал за Альфредом. Тот запрыгнул внутрь и устроился поудобнее на свёртках с едой. Тоби снова надел рюкзак на грудь. Виджен рванулся в дом и вернулся с плащом, который решительно всучил Тоби.

– На случай, если начнутся дожди. А я надеюсь, они в этот раз по-настоящему начнутся. Спасут наши души. Иди по дороге. Завтра ты спустишься с гор. Придётся идти весь день. К следующему утру доберёшься до города. Вот это, – Виджен похлопал по свёртку, прикреплённому к рюкзаку, – не даст тебе промокнуть и замёрзнуть. Берегись шлегов.

– Спасибо, лесник Виджен, – сказал Тоби. – Удачи вам и вашей дочери.

Виджен непонимающе нахмурился.

– Девочке. Девочке, которая живёт с вами.

– Я живу один, Тоби.

– Но я видел девочку. Я с ней говорил.

– Я много недель никого не видел. Должно быть, клятый шлег, воровка, как и все они, – Виджен вернулся к своим собакам. – Шевелись, Воск! Живее, Дымок!

Железное дерево поливало крышу и животных. Огонь стремительно приближался к домику лесника.

Тоби двинулся в путь.

6. Пастуший домик

Тоби шёл по тропинке, которая вела от дома лесника Виджена через поросший мягкой травой луг. На дальнем его краю бежал извилистый ручей с широким бродом. Тоби перешагивал с камня на камень, стараясь не свалиться в бронзовую воду. Вскоре тропинка влилась в дорогу, которой явно пользовались чаще. По ней он за полчаса добрался до леса. Здесь деревьев не касался огонь, но все они стояли голые, как зимой. Тоби это немало удивило, потому что вчера был тёплый сентябрьский день, осень только начиналась. Тоби решил, что деревья потеряли листву по какой-то другой причине: из-за урагана, болезни, или на них так повлиял

дым пожара.

Решив, что огненный ад остался достаточно далеко позади, мальчик выпустил Альфреда из рюкзака, предупредив, что если тот попробует уйти погулять, Тоби запихнёт его обратно. И так они прошли несколько миль по лесу вдоль ручья. Здесь, вдали от пожара, горный воздух был прохладным. Тоби, одетый в рубашку и гигантский свитер лесника, остановился, чтобы накинуть плащ, подбитый тёплой овечьей шерстью. Тут же стало уютно. Но когда он попытался застегнуть плащ у горла, обнаружил, что на застёжке изображён белый лебедь. Тоби сбросил плащ, как будто это был и не плащ вовсе, а тот самый высокий сухопарый убийца.

Тоби не хотел даже притрагиваться к гербу с лебедем. Что бы он ни значил для тех, кто его носил, для Тоби он был символом убийства. Но солнце быстро садилось, а холод и темнота наступали. Тоби и Альфреду предстояло идти всю ночь или спать под открытым небом. Поэтому мальчик поднял уютный плащ и снова накинул его на плечи. Но когда он коснулся тяжёлой застёжки с красующимся на ней лебедем, ему стало так мерзко, что он сорвал пряжку с плаща и занёс руку для броска. Но замешкался. Стоит её сохранить. Как улику для полиции, для суда над высоким сухопарым убийцей с жестоким ртом. Он тоже носил застёжку с этим гербом. Тоби положил свою в рюкзак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.